

Геннадий Авласенко

Пещера

Время основного действия романа — 80-е годы XX ст.

Время действия всех остальных эпизодов не установлено даже приблизительно.

Ночью мне снился сон. Странный сон...

Мне снилось море, голубое солёное море, и белые крылья чаек над морем. Мне снилось море и чайки, чайки и море...

И там был я, плывущий неизвестно куда и зачем.

КУДА Я ПЛЫЛ? ЗАЧЕМ?

Я плыл, а вокруг смеялось море, смеялось солнце, а чайки кричали мне что-то сверху на удивительном птичьем своём наречии, таком насмешливом и непонятном...

НО ВЕДЬ Я ПОНИМАЛ ИХ ТОГДА! О ЧЁМ ОНИ КРИЧАЛИ?

И я даже не плыл. Просто море держало меня, держало в голубых, тёплых своих ладонях... и я словно парил, сказочно и невесомо парил на самой границе голубого неба и голубого моря. И не было страха, совершенно не было страха, а там, куда я плыл, было что-то, волшебное что-то... и мне так

нужно было, так необходимо было доплыть...

КУДА Я ПЛЫЛ? ЗАЧЕМ?

А потом зазвенели колокольчики.

Сотни, тысячи, десятки тысяч... они звенели и звон их, нежный, мелодичный и еле различимый вначале, вдруг, подобно пушистому снежному кому, стремительно принялся нарастать, крепнуть, обретать неприятный металлический привкус и цвет. И я не сразу сообразил даже, что это и не колокольчики вовсе...

Звенело у меня в ушах... не звенело даже, а грохотало что есть мочи.

Боевые тамтамы дикарей-людоедов племени мумба-юмба показались бы мне сейчас, наверное, сверхангельской музыкой после этого вот всевозрастающего дьявольского грохота.

Бом-бум! Дили-бум! Бум-бом! Дили-бом!
Трах-тарарах-тах!

И снова: бом-бум! Дили-бум...

И так без конца...

И так до бесконечности...

И так до...

Бедная, бедная моя головёнка-головёнушка!
Выдержать такое изнутри!

Я с трудом превеликим разлепил удивительно тяжёлые и удивительно непослушные веки... и первое, что увидел, был, конечно же, потолок... знакомый такой потолок, весь в золотистых и

сиреневых узорах, тоже знакомых до отвращения...

А МОРЕ? ГДЕ МОРЕ?

Море исчезло.

И море, и солнце, и ветер, и белые упругие крылья чаек... и то что-то, бесконечно далёкое что-то... то, куда я плыл да так и не доплыл... оно тоже исчезло! Исчезло всё и только сердце, замерев на мгновение в мучительно-сладкой истоме, вдруг отчаянно и тревожно затрепыхалось в груди:

— Выпусти меня! Выпусти!

ТАК ЭТО БЫЛ СОН! ВСЕГО ТОЛЬКО СОН!

Я находился дома, я лежал в кровати, не в своей комнате, правда, а почему-то в родительской спальне, а надо мной нависал оклеенный золочёными обоями потолок. А ещё нависала люстра, в которой, как в искажённом зеркале, отражалась вся комната без исключения...

В общем, всё такое родное и всё такое знакомое...

До тошноты!

СОН, ТОЛЬКО СОН...

МОРЕ, НЕБО, ЧАЙКИ... И ВСЁ ЭТО ТОЛЬКО СОН...

А в прихожей сердито и пронзительно тархтел телефон. Тархтел, и, казалось, аж вверх подпрыгивал от нетерпения.

Я мысленно выругался и снова закрыл глаза в слабой надежде уснуть.

Как бы не так!

Телефон настойчиво тарахтел. По всему видно было, что настроен он на это самое занятие весьма и весьма решительно.

— А пошёл бы ты! — с отчаяньем обречённого пробормотал я. — Вот не встану и всё тут, и плевать я хотел на всех своих знакомых и незнакомых тоже!

Тревожное ощущение сна по-прежнему не покидало меня. Оно было слишком необычным, чтобы исчезнуть вот так, сразу. Оно было более чем необычным. Кроме того...

Я никак не мог вспомнить, куда же я всё-таки плыл, там, во сне... а ведь это и было самое что ни на есть важное во всей этой истории.

А в прихожей нетерпеливо и немузыкально всё названивал и названивал телефон. Тарахтел, одним словом.

«Чёртова тарахтелка! — в бессильной злобе подумал я, с головой забираясь под одеяло. — Вот хвачу сейчас чем-либо тяжёлым, мигом заткнёшься!»

Но сна уже не было. Было раннее утро... синеватый рассвет медленно и лениво перетекал через подоконник, постепенно заполняя собой комнату.

А телефон всё продолжал тарахтеть. Интересно, кто это там такой настырный?

Я встал, потянулся и, не одеваясь, вышел в прихожую.

Сразу же подумалось, что звонит Витька, только Витька... и никем кроме Витьки тип этот быть не может. С него станется. Недавно, к примеру, он позвонил мне в три часа ночи и для начала вежливо поинтересовался, что я сейчас делаю. Когда же я, взбешённый как две тысячи чертей, заорал в трубку, что эти его идиотские выходки кого угодно с ума сведут, он помолчал немного, как бы собираясь с мыслями, а потом спросил, тихо так, задушевно:

— Сань, вот только честно, скажи, я хороший человек? Только честно!

Не желая вдаваться в подробности, я тогда, помнится, сначала просто положил трубку на её законное место, молча так положил, аккуратненько... а уж потом только, после всего этого, высказал ни в чём не повинному телефонному аппарату своё особое мнение относительно «хорошего» человека Витьки. Причём, кратко, всего в двух словах.

Вот и сейчас. Стоило мне только приподнять трубку, как я сразу же понял, что, увы, ни на грамм не ошибся. Витькин трёп я распознаю за полкилометра.

— Аллёу! — знакомо вякнула трубка. — Санёк, энто ты?

Пришлось признаться, что это действительно я. А что поделаешь!

— А это я! Не ожидал?

— Ожидал! — язвительно процедил я сквозь зубы и зевнул так, что аж в челюсти что-то хрустнуло. — Вот с вечера всё сидел и ожидал! А ты чего так поздно, а? Самое время в три... ну там, в четыре, куда не шло, а сейчас уже (я посмотрел на часы... господи, всего пять утра, совесть у него, изверга, где?)... Ты чего так запаздываешь, а?

— Не пыхти, лопнешь! — в трубке слышались некие звуки, отдалённо напоминающие бодрое лошадиное ржание. — Побереги нервные клетки... они, я слышал, не всегда восстанавливаются. — Вновь лошадиное ржание, как бурное восхищение собственным своим остроумием. — Вообще, должен вам заметить, сударь, характер ваш последнее время становится каким-то... — Витька замолчал, собираясь с мыслями. — Ну, неуравновешенным, что ли... Вы не находите?

— Не нахожу! — отвечивал я самым ледяным тоном, на который только был способен. — У тебя всё?

Но с Витьки как с гуся вода. Плевать ему с четырнадцатого этажа на температурные тональности моего голоса.

— Слушай, а, может, я тебя разбудил?

Он ещё спрашивает, нахал!

— Разбудил, а? Ты потому такой злой?

— Ну, разбудил, разбудил! — рывкнул я в трубку, да так, что даже сам себя испугался. — Если это всё, что ты хотел узнать...

— Ну, ты и соня, старик!

— Слушай, Вить, — почти умоляюще сказал я. — У тебя бессонница, я понимаю, но я то тут причём! Я то за что страдать должен! Я, ты понимаешь, спать хочу!

Странное тревожное ощущение чего-то полузабытого, но важного, чрезвычайно важного. Куда же я всё-таки плыл... что было там, впереди? Ведь мне так необходимо было попасть туда...

Куда попасть?

И тут я вспомнил! Я вспомнил, куда плыл!

Там, впереди был остров... маленький зелёный остров, один среди безбрежной водной стихии. Необитаемый, а может и обитаемый...

Очнувшись, я ошалело посмотрел на трубку в руке, вспомнил Витьку, медленно поднёс трубку к уху в слабой надежде услышать короткие гудки.

Как бы не так!

Трубка всюду тараторила Витькиным голосом, и через минуту-другую я с удивлением узнал, что сегодня суббота, что погода на улице — «высший класс», что человеческая жизнь, просто сама по себе, уже есть преотличнейший повод для

оптимизма.

Здесь он перевёл дыхание и доверительно сообщил мне, что дрыхнуть до сей поры есть самое элементарнейшее свинство и ни минутой меньше...

— Все беды человеческие, — закончил он свою мысль блестящим предположением, — происходят от чрезмерного сна и только от сна!

Здесь я позволил себе немного не согласиться с оратором и высказал своё, несколько отличное предположение на сей счёт. Большинство человеческих несчастий — скромно заметил я — происходят по совершенно иной причине, а именно по причине чрезмерно длинного языка.

— Что же касается бессонницы, — невозмутимо продолжал Витька, — так вот, что же касается вопросов бессонницы, то издавна известно одно устное изречение некоего древнего мудреца-философа, кое гласит, что ни один здравомыслящий индивидуум не отрицает фактора субъективного влияние отсутствия сна...

Слушать Витькину ахиною мне мешали колокольчики (они же барабаны), всё ещё звеневшие (грохочущие?) в ушах, да ещё странное тревожное ощущение чего-то полузабытого, но чрезвычайно важного для меня самого...

КУДА Я ПЛЫЛ? ЗАЧЕМ?

Впрочем, «куда» уже выяснено. Но вот зачем? Зачем я плыл туда? Что могло ожидать меня там, на

маленьком зелёном этом островишке?

Витька, кажется, совершенно выдохся и, наконец-таки, немного утомился.

— У тебя всё? — осторожно спросил я, боясь хоть как-то, ненароком, потревожить, спугнуть то необычное внутри себя.

— Всё? — удивился Витька. — Старик, да я только начал! Так вот, о выходных... Как сказал один мой знакомый...

Колокольчики в голове вновь превратились в барабаны, и страшно хотелось пить, и чертовски хотелось спать. И вообще: поток полезной (а равно и бесполезной) информации вредно принимать натошак, а уж тем более в таких вот лошадиных дозах.

Я закрыл глаза и тотчас же синие волны вновь подхватили меня в мягкие тёплые свои ладони. И понесли, плавно перебрасывая друг дружке, куда-то вдаль, наверное, туда, к маленькому зелёному островишке посреди синего бушующего моря. И, может, сейчас я наконец-таки узнаю волнующую его тайну. Вот уже сверху так знакомо кружат надо мной белокрылые чайки. И кричат, кричат мне что-то сверху...

Странно только, что кричат они (чайки то есть) таким противно-знакомым, явно Витькиным голосом. А впрочем...

Да, увы!

— Дошло? — истошно вопит в трубке этот психопат ненормальный. — Ну, чего ты молчишь? Я ж тебя русским языком спрашиваю: дошло, устраивает?

— Ну, ещё бы! — машинально отвечаю я, не в силах вот так, сразу и полностью вырваться, выпутаться из обволакивающе-мягких объятий сна (да я и не желаю из них выпутываться, чёрт вас всех поberi, я спать хочу!)

— Значит, ты поддерживаешь?

— Обеими руками! Ты это здорово придумал, молодец!

— Вообще-то, это не я... вернее, не совсем я... — мнётся Витька. — Но, с другой стороны, что б они без меня... А правда, здорово?

— Ну, я же сказал. Танцую от восторга! Теперь всё?

— Теперь всё!

Я решаю отложить до лучших времён исследование причин столь бурного восторга с моей стороны по поводу пока неизвестного мне Витькиного предложения. Я элементарно хочу спать. Ещё я хочу попасть на маленький зелёный островок своего сна. В конце концов, могу я, наконец, узнать, куда это я плыл всю ночь напролёт! То есть, не куда, а зачем? Зачем я плыл к островишке этому заурядному?

Но бросить трубку как всегда опаздываю.

— Ну, вот и чудненько! Ты, значит, давай пока собирайся... ну а через, скажем так, полчаса мы за тобой заскочим. В общем, собирайся и жди.

— Мы это кто?

— Мы это мы!

— Кто это мы? — не сразу доходит до меня. — Куда это мне прикажешь собираться? Алло! Витька! Алло! Фу ты, чёрт!

Трубка, словно тоже издеваясь надо мной, противно пищит-попискивает коротенькими частыми такими гудочками... а в бедной голове-головушке моей тяжело и надрывно бухают громадные боевые барабаны-тамтамы этих, как их, мумбов-юмбов или юмбов-мумбов... или, что более вероятно, и тех, и других разом, а во рту у меня противный металлический привкус, и язык мой шершав аки наждачная бумага. И чертовски хочется спать!

Некоторое время я ещё тупо и очумело тарашусь на злосчастную эту трубку, продолжающую издевательски попискивать в правой моей руке, а потом вдруг ясно и совершенно отчётливо начинаю осознавать, что уснуть сегодня мне уже, увы, не удастся.

День, как говорится, начался!

Я вздохнул и, со всего размаха шваркнув ни в чём не повинной телефонной трубкой по ни в чём не повинному телефонному аппарату, уныло

поплёлся в ванную.

Нет, в всё-таки интересно было бы узнать, что было, что ожидало меня там, на маленьком зелёном этом островишке, что я...

Фу ты, чёрт!

Уже подходя к двери ванной, я внезапно остановился, как громом поражённый. Да и было отчего.

Оказывается, я совершенно не помню, как вчера вечером очутился у себя дома. Вечером или ночью, дело не в этом. А в том, собственно, дело, что я, хоть убей, ничего этого не помню. Вот не помню и всё тут!

Отступление. За трое суток до начала событий

Нина

— Нина Алексеевна! Нина Алексеевна!

— Что случилось, девочки?

— Нина Алексеевна! Петров...

— Что, Петров? Опять Петров!

— Нина Алексеевна, он там череп нашёл...

— На берегу...

— На палку нацепил...

— Нас пугает!

— Подождите, подождите, не все сразу! Я ничего не поняла. Какая палка, какой череп?

— Обыкновенный, человеков.

— Надо говорить: не человеков, а человеческий.

— Нина Алексеевна, мы первые его нашли!

— Он из песка торчал, а мы подумали — камень.

— А этот Петров...

— Нина Алексеевна, вы его больше на экскурсию не берите! Он только всем мешает!

— А череп такой страшный, такой коричневый весь! Я сегодня всю ночь спать не буду!

— Девочки, девочки, успокойтесь! Петров! Иди сюда! Не прячь, не прячь, всё равно я уже видела!

* * *

Холодные струи душа буквально впивались в кожу тысячами мелких острых буравчиков... и тут же, сменяя их, сверху обрушивались на меня целые потоки обжигающе-горячей воды. Рискуя замёрзнуть или свариться вкрутую, я лихорадочно менял воду: горячая, холодная, горячая, холодная... вновь горячая... Я менял воду и отчаянно, без особого успеха, впрочем, решал извечный

философский вопрос: вопрос о первичности...

Бытие или сознание? Сознание или бытие?

Подводило сознание. А именно, был один, не вопрос даже, так, вопросишко... но он буквально ставил меня в тупик очевидной своей неразрешимостью...

Как, когда и коим образом очутился я дома вчера?

А действительно, как?

Ответ на этот вопрос, конечно же, существовал... во всяком случае, должен был существовать. Я подозревал, что он, ответ этот, скорее всего, просто затаился где-то в самых дремучих уголках моего подсознания. Ещё я подозревал, что извлечь его из этих самых укромных уголков на свет божий будет делом далеко не из лёгких. Потому-то всё продолжал и продолжал с каким-то поистине садистским ожесточением хладнокровно истязать ослабленную свою организму.

Хотя, нет, ежели «сам» да «свою же собственную» — это уже мазохизм, кажется?

А впрочем, какая чёрт разница?!

Холодная, горячая, снова холодная...

Итак, всё началось вчера.

А что, собственно, началось вчера?

А вчера было...

Впрочем, начну по порядку...

Небольшое отступление на тему: «Что же было вчера»

А вчера ко мне не вошёл, а буквально ворвался Витька, неистово размахивая небольшой сиреневой книжицей, крепко зажатой в кулаке правой руки.

— Видал?!

— Что это? — я старался говорить спокойно, но сердце моё уже застучало на несколько тактов быстрее. — Моя?

— Твоя, старик, твоя! — он бросил книжицу мне на колени, потом театрально-отработанным жестом выхватил из сумки бутылку шампанского. — Алле оп! Вообще-то, это с тебя причитается... ну да ладно! Где наша не пропадала! Тащи бокалы!

Не слушая его, я во все глаза смотрел на невзрачную, почти невесомую эту книжицу. Дороже всех толстенных фолиантов мира была она мне сейчас. На сиреневой обложке стояли моё имя и фамилия. Наконец-то!

— Э, да ты, старичок, меня совсем не слушаешь!

— А? Что? — очнулся я. — Ты о чём?

— Обалдел на радостях! — грустно констатировал Витька, хлопнув меня по плечу. — Сочинитель!

— А где ты её взял? — перевёл я тему. — Книжку, я имею в виду.

— Где взял, где взял! Купил! — Витька довольно ухмыльнулся. — Неподалёку отсюда, в книжном. Очередище... человек пятьсот, не меньше! И все лезут, и все ругаются, и все орут чего-то! Крик, гам! Подавайте нам сейчас же Волкова, который Александр и баста! И никого нам больше не надо, кроме Волкова, который Александр! Представляешь картину?

— Представляю!

— Некоторые по сто штук хватали. Не веришь?

— Трепач!

— Кто?

— Да так, один мой знакомый!

— А, ну... как-нибудь познакомишь. На чём я остановился?

— Кофе будешь?

— Кофе потом! — отмахнулся Витька. — Ты бокалы притащил?

— Да вот же они!

— А, ну да... вижу. Разливай! Ну, бум?

— Бум!

Мы чокнулись, выпили.

— Так вот, насчёт очереди... — снова начал Витька. — Ты знаешь, я сначала тоже стал... стою себе тихо, мирно... а потом вижу... Э, не! Этак

можно и в дураках остаться, до чего озверели люди! Я тогда прямо по головам, по головам, да и к прилавку. И тоже как заору. Граждане! — кричу — Товарищи мои дорогие! Пропустите, кричу, без очереди! Это же друг мой наилучший... мы же с ним ещё в роддоме познакомились!

— Может в дурдоме?

Витька вздохнул.

— Может и там. Много чего кричал.

— Ну и как, помогло?

— Сам видишь! Вот он — я, а вот она — книжка!

— Когда?

— Что, когда?

— Трепаться, говорю, когда перестанешь?

Витька вздохнул вторично.

— Ладно, считай, что уже! Наливай!

— Налито, не замечаешь?

— Замечаю! Тогда, что? Бум!

— Бум!

Вот так всё и началось вчера...

— Ну, за тебя, старик! — провозгласил Витька, в очередной раз поднимая бокал. — За твои, так сказать, творческие и прочее, и прочее! Сам я, признаться, в поэзии не бельмеса... но, знаешь — всё равно приятно! Бум!

Мы чокнулись.

— Слушай, а ты чего один? — спросил

Витька, вновь наполняя бокалы. — Где твои?

Я махнул рукой.

— Батя в экстренной командировке какой-то. Здесь где-то, неподалёку от города. Что-то там такое нашли архидревнее, череп, что ли. В общем, рыть начали...

— А мать?

— А мать в отпуск укатила. На юг, в санаторий. Я ж тебе вроде говорил, забыл что ли?

— Ну да, припоминаю что-то такое... — Витька задумчиво потёр подбородок краем бокала. — Так ты, выходит, один?

— Аки перст!

Витька завистливо вздохнул.

— Везёт же некоторым!

— А тебе что, не везёт?

— Как в чём, старичок, как в чём... — туманно ответил Витька и картинно поднял свой бокал. — Давай за...

— Слушай, а давай Серёге позвоним!

— А что, идея! — Витька оживился. — Звони!

Серёгин телефон общаться с нами наотрез отказался. Чего, впрочем, и следовало ожидать в это время суток.

— Наверное, он в общаге у Натали! — глубокомысленно изрёк Витька. — Какой там телефон, не помнишь случайно?

Случайно я помнил телефон Наташиной

общаги, но я помнил и нечто другое. Не зовут там к телефону! Никогда, никого, ни при каких обстоятельствах. Традиция у них, видимо, такая, а традиции надо свято беречь...

— И потом, — добавил я, — неужели ты думаешь, что они сейчас в общаге сидят!

— А вдруг!

— Вдруг можно только упасть. Ежели поскользнёшься...

— Ну, и ладно! — утешился Витька и окинул задумчивым взором пустую бутылку. — А у тебя в холодильнике найдётся чего-нибудь этакого?

— Чего-нибудь найдётся обязательно! — Я встал. — Коньяк вас устроит, сэр?

— Тащы!

Я мигом «прытащыл» початую бутылку армянского коньяка, а к нему коробку конфет, тоже початую, и два лимона (нетронутых). Гулять, так гулять!

— Такое событие, как рождение поэта, и притом, поэта крупного, с большой, как говорится, буквы... такое не каждый день случается! — философствовал Витька, одновременно с этим артистически выковыривая пробку из бутылки, вернее, пытаюсь её оттуда выковырять. — А по сему, старик, предлагаю... Да что это за пробка, мать её за ногу!

Отобрав у философа бутылку, я мигом, хоть и

не артистически, её откупорил и сразу же вслед за этим плеснул по рюмкам содержимое. Не всё, разумеется, сколько влезло. После этого я медленно поднял свой бокал.

— Ну, будь!

— Буду!

Мы выпили. Витька немедленно завладел бутылкой и вновь наполнил рюмашки.

— А хорошо сидим! — мечтательно произнёс он. — Почаще бы так!

— А кто против?

Мы снова выпили и закусили конфетами с лимоном.

Мне действительно было здорово и легко, как никогда. В голове уже чувствовалось некое приятное кружение, напротив, за столом, сидел Витька, старый мой друг, а на столе, как раз между нами, лежала эта вот тонюсенькая книжица в невзрачном сиреневом переплёте. И я вновь взял её в руки и, хоть всю, слово каждое, помнил наизусть, бережно открыл самую первую страницу и, не спеша, с наслаждением, принялся перечитывать такие знакомые строчки. Не вслух, разумеется, про себя.

Моя! Даже не верится...

Господи, сколько же меня «промариновали» в издательстве, вновь и вновь откладывая на «неопределённый срок». А потом, когда всё уже

было решено, и были утрясены самые последние формальности, и рукопись пошла в набор, каждое утро, просыпаясь, ждал я этого вот дня. Ждал и уже почти не верил, что он когда-нибудь настанет на самом деле.

А он, день этот, ворвался ко мне в образе Витьки так неожиданно. И это было ещё приятнее, чёрт побери!

Я быстро пробежал глазами строчки, одну за другой... и вдруг словно споткнулся.

Поправили! Улучшили! Усилили, так сказать, благодетели!

В сборнике их было несколько, таких вот «улучшений». Вообще-то, их должно было быть гораздо больше, но некоторые мне удалось-таки оспорить, отстоять первоначальную чистоту строк, а вот тут вот, не смог! И теперь, почти физически ощутил явную инородность сего «улучшения» в живой плоти стиха. Это, как нож под лопаткой!

— Тьфу ты, чёрт! — не удержался я и с досады так саданул кулаком по коленке, что стало больно и тому, и другому. — Ну, что ты будешь делать!

— Ты чего? — не понял Витька.

— Ничего! — я вновь наполнил рюмки коньяком и, подняв свою, принялся любоваться нежно-золотистыми переливами её содержимого. — Как говорится, в бочке мёда да

чтоб без ложки этого самого... Так же не бывает, верно? Давай-ка лучше тост!

— Айн момент, геноцвали!

Вот такой это был день, суматошный и весёлый. У меня дома, а потом и в ресторане, куда меня «затащыл» таки Виктор свет Андреевич, мы всё поднимали и поднимали рюмахи и бокалы. Боже, за что мы только не пили! И за мои дальнейшие творческие (что естественно), и за процветание, как нашей поэзии в целом (бред какой!), так и отдельных поэтов в частности (ну, это ещё куда ни шло!). Где-то, в самой глубине зала, Витька узрел вдруг каких-то своих знакомых (противоположного, разумеется, пола), и, через минуту-другую, эти самые знакомые, в количестве двух молодых симпатичных особ, уже усаживались за наш четырёхместный столик.

Ай да Виктор Андреевич! Ай да сукин кот!

— Люся! Таня! — деловито знакомил он нас. — А это — Александр Волков, один из известнейших поэтов нашего времени!

Девчонки недоверчиво посмотрели на меня и дружно захихикали.

— Не верите?! — даже обиделся Витька. — Ну, ладно!

Он повернулся и моментально исчез из ресторана.

— Интересно, куда это он? — спросила та,

которая Таня.

— Смылся! — сказал я и вздохнул. — Мы, вообще-то, всегда так делаем в ресторанах. Сначала он смывается, я следом... ну, а дамам приходится брать на себя все финансовые обязательства. Вы так никогда не пробовали?

— Нет! — сказала та, которая Люся. — Никогда не приходилось.

— Зря! Вы попробуйте когда-нибудь. Очень удобно, особенно с финансовой точки зрения.

— А ты что, и вправду поэт? — поинтересовалась та, которая Люся.

— Да пошутил он! — почему-то смутился я. — Я, вообще-то, студент. Идём лучше танцевать!

— Так музыки же нету!

В это время заиграла эта самая музыка, и мы пошли танцевать. С той, которая Люся.

В голове у меня уже порядком гудело, но, к своему большому удивлению, на ногах я держался твёрдо, да и соображал довольно-таки сносно, особенно для той, прямо скажем, сверхлошадиной дозы, какую, каюсь, успел принять во внутрь. Мы танцевали, болтали всякую чепуху и я, при более близком рассмотрении, пришёл к выводу, что эта самая Люся, вообще-то, очень даже ничего. Особенно на ощупь. Даже, более того!

А может и правда, как любил говаривать Виктор свет Андреевич, нет некрасивых женщин —

есть мало водки?

В это время, лёгкий на помине, в дверях показался и он сам, собственной персоной, а в руках у него я увидел целую охапку тоненьких книжиц в сиреневых переплётках.

— Ты знаешь, Люсь, — сказала та, которая Таня, когда танец, наконец-таки, завершился, и мы снова оказались у нашего столика, — а он и вправду поэт!

Холодная... Горячая... Холодная... Горячая...

И вновь холодная!

Бр-р-р-р!

Ну и что же было потом?

Я смутно помнил, как подписывал эти самые книжечки сначала Люсе, а потом и Тане (или наоборот?). Потом я подписывал их ещё кому-то, и ещё кому-то, и даже адрес свой записывал с телефоном, идиот!

Я даже вспомнил, как мы всей развесёлой гурьбой (а нас было уже, кажется, не четверо, а гораздо больше) вывалились из ресторана наружу. Там, кажется, было уже совсем темно, или, во всяком случае, темнело. Потом... потом я, кажется, читал стихи у какого-то памятника... и это всё, кажется, что я вспомнил! Хотя нет, не всё! Да и не у памятника это было, а где-то ещё! А потом... потом была чья-то квартира... Господи, ведь точно, квартира чья-то была, теперь я начинаю

припоминать!

А что потом?

Холодная... Горячая... Ещё раз холодная...

Так что же было потом?

Ответа не было. Подсознание моё умело хранить тайны даже от своего хозяина и истязать его далее просто не имело смысла.

Я не стал применять к героическому своему подсознанию ещё более садистские (мазохистские?) методы дознания и, махнув рукой на все вопросы, сложил их аккуратной стопочкой и отложил на потом.

И воду выключил. И холодную, и горячую. Всякую.

Из стихов Волкова Александра

В мире есть и добро, и зло...

Бьётся бабочка о стекло!

Бьётся бабочка о стекло

и не может понять:

«Там, за окнами, так тепло!

Это время моё пришло!

Просто время моё пришло!

Что же держит меня?!»

Хмуро бросив: «Не повезло!»,

я опять дышу тяжело.
От досады скулы свело...
И, дороги кляня,
бьюсь, как бабочка о стекло...
Мне назад пути замело,
а за окнами так тепло...

Что же держит меня?!

* * *

Из ванной выходило уже не то опухшее, заморенное существо, кое ещё столь недавно, кряхтя и стеная, еле вползало в живительно-влажные её стены. Человек, покидающий ванную, был свеж, аки утренний огурец, бодр, аки йог возле проруби и на удивление жизнерадостен.

Спать ему уже не хотелось совершенно, барабаны (они же, колокольчики) уже не лупили изнутри в его черепную коробочку... ну а само воспоминание о далёком загадочном острове как-то съёжилось, поблекло и, потеряв всякую чёткость очертаний, казалось теперь наивной детской сказочкой, в общем-то, забавной, но далеко не интересной в моём-то возрасте. Вот так-то!

Надо, надо умываться, по утрам и вечерам!

Насвистывая какую-то бравурно-весёлую мелодию и немилосердно при этом фальшивя, человек-огурчик пулей вылетел из ванной и в чём мать родила помчался разнузданно-разудалым верблюжьим галопом по направлению к родительской спальне. Но уже не спать, разумеется, одеваться. Влетел туда человек-огурчик и... застыл на пороге, остолбенело разинув рот.

Перед зеркалом у окна стояла спиной ко мне стройная и совершенно обнажённая девушка. Её пышные, светло-золотистые волосы, небрежно разбросанные по плечам, ещё чётче подчёркивали почти шоколадный загар безукоризненно изящного тела, загар, прерываемый лишь двумя более светлыми полосками в местах обычно прикрываемых лифчиком и трусиками. Девушка стояла у окна и сосредоточенно рассматривала себя в зеркало, я же (как уже было упомянуто выше) остолбенело застыл у порога с выпученными на манер лягушки глазами и до предела отвисшей нижней челюстью.

Скорее всего, она увидела моё отражение в зеркале, потому что, прежде чем повернуться ко мне, девушка протянула руку к, лежащему на пуфике, халату, одним неувовимо-быстрым движением завернулась в него. Лишь после всего этого она соизволила обернуться и посмотреть в мою сторону.

Я судорожно сглотнул, плотно сдвинул челюсти и вдруг вспомнил, что и я, в сущности, тоже не одет совершенно. Вспомнив об этом, я машинально попятился и, совсем не изящно, сел, минуя стул, прямо на ковёр. При этом я ещё и ухитрился опрокинуть на себя целую уйму отцовских книг (чёрт бы побрал эти толстенные фолианты с превеликим множеством острых углов в каждом!). Так мы и смотрели некоторое время друг на друга: она, красивая и удивительно свежая даже после сна, и я, наверное, здорово «припухший» после вчерашнего своего «отмечания», с мокрыми спутанными волосами, картинно обрамлявшими, обросшую суточной щетиной, исключительно несимпатичную физиономию, да ещё и одетый в более чем лёгкую «одежду» из многоцветных книжных томов. В общем, чучело-чучелом, и притом, гороховое!

Девушка вдруг улыбнулась и подошла ко мне вплотную, а я, при её приближении, лихорадочно шаря вокруг рукой, нащупал и натянул на себя ещё несколько книг пообъёмнее.

— Где у тебя душ? — спросила она, и голос девушки, чистый и звонкий, привёл меня в ещё большее смятение. Она была так неправдоподобно красива, что я даже начал подозревать, что, в сущности, ещё сплю. И в то же время отлично понимал, что никакой это не сон, а самая, что ни на

есть, суровая действительность.

— Там, прямо по коридору, — хрипло выдавил я, от всей души проклиная себя за то неизящное положение, в которое сам же себя и поставил, вернее, посадил. — Прямо и налево, то есть, направо! В общем, иди прямо по коридору, потом...

— Спасибо! — Девушка вновь улыбнулась. — Я найду!

Она подошла к кровати, тихо, не торопясь, подобрала, разбросанную в беспорядке прямо по ковру, одежду (и как это я, остолоп, умудрился не заметить этой одежды?!), потом девушка, искоса взглянув в мою сторону и в третий раз мне улыбнувшись, быстро скинула с плеч халат. Ещё мгновение, и она уже вышла из комнаты, плотно затворив за собой дверь. Тут только я перевёл дух. Надо ж, ситуация!

Одевался я живо, как солдат-первогодок. Потом сразу же врубил отцовскую электробритву и за то короткое время, пока она, упрямо жужжа, вела героическую борьбу с возмужавшей суточной щетиной, попытался хоть немного просушить мокрые волосы, отчаянно лохматя их маминой массажной щёткой то в одну, то в другую сторону.

Чисто выбрившись (слава немецкой электротехнике!), я, посредством двух зеркал, подверг самому тщательному и критическому

осмотру свою собственную физиономию, подверг и пришёл к выводу, что, хоть следы вчерашнего возлияния оказали на неё некоторое пагубное воздействие, но, как говорится, могло быть и хуже.

После этого я слегка успокоился и, приводя в порядок кровать, ещё хранившую в своих недрах тепло этой, незнакомой мне девушки, постарался вспомнить хоть что-либо из дальнейшей вчерашней своей эпопеи, в слабой надежде пролить воспоминанием сим хоть капельку света на...

Ну, в общем, ясно на что!

Люся? Таня?

Таня? Люся?

Да нет же, нет! Не подходит, ну не подходит совершенно, ни та, ни другая! У обоих были (хорошо помню, молодец!) короткие такие стрижки, что-то, типа «а ля тифозник»... да и сами волосы куда темнее были и у той, и у другой. Да и не идут они обе ни в какое сравнение с этой! «Крокодилы» они, если честно, в сравнении с ней! И где это я только её смог подцепить вчера?

Мне вдруг пришло в голову, что я ведь, в сущности, спал с ней на одной кровати, пусть даже и двуспальной.

Спал? Или всё же...

Чёрт! У меня даже голова закружилась, и так тягуче-сладко заныло под ложечкой. Честно говоря, как-то даже не ожидал от себя подобной прыти! И

неужели у нас с ней ночью что-то такое было?

А впрочем...

Было там или не было, но если ты об этом не помнишь совершенно, то какая, к чёрту, разница! А хорош же я был, наверное, вчера?

Представив себе себя вчерашнего, я вновь потускнел и, повесив нос, уныло поплёлся в свою собственную комнатёнку, которая тоже изрядно удивила меня уже при самом первом, беглом осмотре.

А я то грешным делом надеялся, что вчера, приволокшись неизвестно откуда, неизвестно когда и неизвестно с кем, сюда и не заглядывал. Оказывается, и ещё как заглядывал!

Из стихов Волкова Александра

Бродил застывшею рекою,
где лёд прозрачнее стекла.
Срывал озябшею рукою
с рябины капельки тепла.
Они горчили на губах...
А мне казалось: лес пропах
от кроны до корней рябиной...
Она хрустела на зубах,
она горчила на губах,
как поцелуи нелюбимой...

Специалисты считают, что всякая, мало-мальски уважающая себя система должна, даже нет, не должна, а прямо-таки обязана стремиться к максимуму беспорядка. Вот обязана и всё тут! Иначе никакая она и не система вовсе!

Я смутно знаком с энтальпией и энтропией (не мой хлеб), но по отношению к бытовым условиям существования, специалисты безусловно правы. Вот за это я их и уважаю, специалистов.

Ещё специалисты утверждают, что самого максимума достигнуть всё-таки невозможно (приблизиться можно, а остальное — ни-ни!), и вот тут-то они ошибаются. Ещё как возможно!

Наверное, нет правил без исключения.

Моя комнатёнка, к примеру, уже никуда и ни к чему не стремилась. Как говорится, полный и законченный кавардак.

Особенно поражал меня своим неприглядным видом мой старый добрый письменный стол, за коим не далее как вчера мы с Виктором свет Андреевичем, культурно беседуя, пили сначала шампанское, а затем и коньячок, закусывая всё это лимончиком и импортными конфетками типа «Ассорти». Теперь же на бедном многострадальном моём столе чего только не было!

Кроме обрывков газет, пустых консервных

банок из-под кильки в томате и залежалых сардинок в масляной заливке, а также превеликого множества дешёвых сигаретных окурков, возвышалось аж четыре порожние посуды из-под популярного креплённого винца, именуемого в народе ласково «чернильцем» (бр-р-р! гадость редкостная!).

Стол, выделяясь особо, как-то оттенял, затушёвывал великолепное безобразие царившее буквально по всей комнате (что, впрочем, не делало безобразие сие хоть чуточку менее безобразным). Чрезвычайно усиливал впечатление и незримо витавший в комнате крепчайший дух табачного дыма, винного перегара и ещё чего-то неопределённого.

В общем и целом, комнатка моя ситуацию не прояснила. Наоборот, скорее...

В ванной вдруг зашумела-заплескалась вода, и я, вспомнив о прекрасной своей незнакомке, представил себе, как мы с ней лихо оприходуем на пару четыре баночки этой чернильной гадости, активно закусывая её (гадость, то есть) подержанной килечкой и сардинками такой же консистенции. Да, ещё мы вдвоём выкуриваем при этом чёртову уйму самых дешёвых сигарет. Потом встаём, шатаясь, и, продолжая пошатываться, неторопливо шествуем в спальню.

Нет, нет и нет! Что-то тут не то! Не вяжется,

ну, не вяжется совершенно эта прекрасная (а так оно и есть) девушка со всем этим (глаза б мои на него не смотрели!) безобразием на столе и, вообще, в комнате! Не могу в это поверить!

Но стол — вот он, стол! И комнатка моя... вот она, вся как на ладони, комнатка...

Рассматривая печальным взором наглядное подтверждение отрицательного влияния алкоголя на организм и окружающую его среду, я вдруг, совершенно неожиданно для себя, сделал новое, важное и поистине ошеломившее меня открытие.

В правом углу дивана, из-под целой кипы простынь, газет и всякого другого барахла, торчали чьи-то ноги в обтрёпанных рыжих ботинках.

Вот это да!

Я обессилено прислонился к дверному косяку и вытер тыльной стороной ладони внезапно вспотевший лоб.

Так, постараемся рассуждать логически. Витька мне звонил, значит...

А не многовато ли для одного утречка?!

Я затравленно зыркнул в сторону ванной, потом вновь уставился на эти, невесть откуда взявшиеся ноги.

Итак, Витька мне звонил, а по сему ноги в рыжих ботинках Витьке принадлежать не могут! Ясно, как божий день!

Но ведь ног без хозяина не бывает, значит...

Кому-то они всё-таки принадлежат!

Вопрос: кому?

Теряясь в догадках и готовый ко всякого рода неожиданностям, я медленно двинулся по направлению к дивану, не отводя от него настороженных глаз.

Ра-а-а-з!

Целая кипа газет, простынь и всего прочего барахла оказался на полу. А на диване...

На диване я узрел совершенно незнакомого мне парня с рыжей, под цвет собственных ботинок, шевелюрой. Он сладко посапывал вздёрнутым, густо усыпанным веснушками носом и просыпаться явно не собирался.

Машинально, я вновь обернулся в сторону ванной, и мне как-то сразу и резко поплохело.

Ничего себе утречко!

Из ванной, чуть приглушённый расстоянием и плотно закрытой дверью, доносился ровный шум падающей воды, и рыжий на диване сладко посапывал ему в унисон.

Я очумело потряс головой, собираясь с мыслями, но так ни с одной и не собрался. Потом вновь, самым внимательнейшим образом посмотрел на рыжего.

Ноль просвета, ноль приветов! Не помнил я его, ну, совершенно не помнил!

Но тогда как же он очутился здесь, в моей

комнатке и даже на моём диванчике, заботливо укрытый газетками с ног до самой рыжей своей макушки? И стол этот великолепнейший...

Правда, девушку я тоже не помнил, так что...

Я мысленно возблагодарил небо за отсутствие родителей и тихонечко потряс рыжего за плечо.

— Вставай, приехали! — сказал я, но не в полный голос а, почему-то, шёпотом.

— А? Что? Где? — сонно забормотал рыжий, чуть приподнимаясь на локте. — Сейчас я, это... Ну, и... вот...

И вновь завалился на диван, тщетно пытаюсь завернуться в остатки газет.

Отобрав у рыжего все газеты, я снова потряс его, на это раз чуть сильнее. Уж очень хотелось мне поскорее разузнать хоть что-либо из вчерашних моих приключений.

— Ну, вставай, вставай!

Низкое неопределённое мычание было мне единственным ответом. Потеряв надежду вернуть газеты, рыжий видимо решил попросту обойтись без оных.

И тишина. Лишь в ванной шумит, плещется вода, и даже вроде слышится что-то, пение какое-то...

Да чёрт бы их всех побрал!

Рассвирепев окончательно, я ухватил рыжего за широкие плечи, чуть приподнял его и, переведя

из горизонтального в вертикальное положение, ловко прислонил к стене.

И ещё встряхнул. Для верности.

На этот раз, кажется, подействовало.

Рыжий зевнул, осторожно повертел буйной взлохмаченной шевелюрой и, чуть приоткрыв заспанные гляделки, окинул меня мутноватым взглядом, но не без интереса.

— Доброе утро! — как можно более вежливо сказал я. — Как спалось?

— А, чёрт... — голос у рыжего был хриплый и сонный, как в трубу. Он тупо огляделся вокруг, но, кажется, так ничего и не разглядел. Тогда он вновь зевнул и, закрыв глаза, принялся быстренько валиться на левый бок.

Но я был начеку.

Рыжий снова открыл глаза.

— Башка трещит! — доверительно сообщил он мне.

— Бывает! — посочувствовал я. — С кем не бывает!

Рыжий вновь принялся осматриваться по сторонам, на этот раз куда более осмысленно.

— А мы это где? Не в вытрезилровке часом?

— Хуже! — в тон ему ответил я. — Мы у меня дома.

Рыжий хмыкнул.

— Хуже... сказал тоже!

Я всё пытался вспомнить, откуда он взялся на мою голову, этот рыжий, конопатый! Пытался и никак не мог вспомнить.

Рыжий тоже рассматривал меня с всевозрастающим интересом.

— Слушай, а ты кто такой будешь?

— А ты? — в тон ему спросил я.

— Жоркой меня зовут! — доверительно сообщил он и снова зевнул, да так сладко, что я невольно последовал его примеру.

Имя Жорка мне решительно ничего не говорило. Ладно, пойдём дальше.

— А меня Санькой! — бодренько произнёс я. — Как говорится, будем знакомы, что ли...

— Чего? — не сразу врубился Жорка. — А, ну да!

Мы продолжали внимательно и настороженно рассматривать друг друга. Ни дать, ни взять две незнакомые шавочки, случайно и неожиданно столкнувшиеся нос к носу в тихом безлюдном переулке. Разве что не обнюхивались и хвостиками не виляли по причине полного отсутствия оных.

Взгляд Жорика с каждой минутой становился всё более осмысленным. Он (в который раз уже!) недоуменно осмотрелся вокруг, а я с тоской подумал, что, кажется, о вчерашнем развесёлом вечере мой милейший гость знает столько же, сколько и я. Ежели не менее того...

— Слушай, — снова начал Жорка, — а как это я к тебе...

Хотелось бы мне и самому это знать.

Шум воды в ванной прекратился, и я действительно услышал пение. Хороший у неё голос, заслушаешься.

— Кто у тебя там? — Жорка показал головой в сторону ванной. — Жена, что ли?

Стоп! Стоп-стоп! Стоп-стоп-стоп! Кажется, что-то начинает проясняться!

— Слушай, а ты с кем вчера был? — спросил я как можно более безразличным тоном. — С девчонкой, да?

Жорка пожал плечами, задумался.

— С Лёхой мы вчера были, — объявил он, но полной уверенности в голосе моего гостя не наблюдалось. — Фикса ещё клеился... потом отлепился... — Жорка замолчал, ожесточённо почесал пятернёй лохматый затылок. — А мы с Лёхой, вот... И как это я к тебе? И где Лёха?

То, что оба моих утренних гостя, кажется, совершенно незнакомы друг с другом, ситуации, естественно, не прояснило, но сам сей факт меня почему-то здорово обрадовал.

Впрочем, ясно почему!

— Понятненько! — нарочито бодрым голосом произнёс я. — Всё ясненько.

«Понятненько» мне ничего не стало,

«ясненько» — тем более. А так, как переговоры наши, кажется, зашли в тупик, мы просто-напросто замолчали. Причём, на довольно-таки продолжительное время.

— Ну, что ж! — сказал я наконец и, осознавая, как любил говаривать батя «полную бесперспективность дальнейшего продвижения в данном направлении», взял веник. — С Лёхой так с Лёхой, мне какое дело! Ванная прямо, но пока занята, туалет направо и, кажется, свободен. Пиво в холодильнике, во всяком случае, вчера было...

— Пиво — это хорошо! — глубокомысленно изрёк Жорка и вдруг, словно вспомнив о чём-то важном и неотложном, молниеносно исчез в туалете.

Я же, ещё раз возблагодарив небо за отсутствие родителей и тяжело вздохнув при этом, незамедлительно принялся за генеральную уборку моей изгаженной комнатёнки.

Честно говоря, больше всего на свете я опасался обнаружить в каком-либо укромном уголочке ещё и неизвестного мне Лёху (за Фиксу я не беспокоился, он, кажись, успел где-то отлепиться, но вот Лёха...) Но, к моему большому удивлению, всё обошлось благополучно. Лёха нигде не обнаружился.

И в это самое время хлопнула дверь ванной, слышались лёгкие быстрые шаги, и девушка эта,

непонятная, странная, красивая до умопомрачения, вошла в мою комнату. Вошла и тут же остановилась у самого входа.

Я почувствовал её пристальный взгляд, и всё же лишь огромным усилием воли заставил себя поднять голову и посмотреть её в лицо. Да и то не сразу...

Помнится, я ещё подумал что-то вроде того, что, проснувшись утром с девушкой в одной кровати, надо бы ощущать себя хоть немного раскованнее, что ли... Или, в данном конкретном случае всё дело в том, что отрезок сей ночи начисто стёрт с коры моего головного мозга? Или она просто слишком красивая, и всё дело именно в этом?

Девушка стояла, прислонившись спиной к дверному косяку, и молча на меня смотрела. Теперь она была одета в тоненькую спортивную курточку-безрукавку и, изрядно вытертые, джинсовые шортики, плотно облегающие её стройные загорелые ноги. На плече у девушки висела маленькая коричневая сумочка на длинном ремешке, пышные, слегка потемневшие после мытья волосы в красивом беспорядке рассыпались по плечам.

— Ну, что? — спросила девушка, когда обоюдное молчание стало грозить затянуться до бесконечности. — Так и будем в молчанку играть?

В зелёных насмешливых глазах её появилась нечто, вроде лёгкого презрения к моей неуклюжей, неотёсанной и явно несовременной персоне... во всяком случае, мне так показалось.

Нужно было что-то сказать ей, и я уже собрался сказать ей это «что-то»... даже рот раскрыть успел — как вдруг меня словно обухом по голове шандарахнули.

И как же это я сразу то не сообразил!

— Проводи меня до дверей! — сухо сказала девушка и, повернувшись, быстро пошла в сторону прихожей. Я же уныло тащился следом, всё ещё переваривая только что свалившееся на меня прозрение.

Вообще-то, я всегда думал, что такие ослепительные красавицы промышляют только по интуристским гостиницам и лишь в исключительных случаях нисходят до нас, простых смертных...

Или это и есть один из этих исключительных случаев?

А в ванной уже снова шумело и булькало. Это рыжий Жорик смывал утренней водусею все свои вчерашние прегрехуси... смывал и в ус себе не дул. Мысленно я ему даже позавидовал.

«Чёрт, а сколько платить?» — лихорадочно подумалось мне и меня сразу же бросило и в жар, и в холод одновременно.

Ну как это я сейчас вот достану деньги и протяну их ей! Да я же от стыда три раза подохнуть успею, честное слово! И вот же идиотская ситуация, не знаю даже, понятия малейшего не имею, сколько принято платить в подобных случаях! Червонец? Да нет, вроде маловато! Какая же у них такса, интересно было бы знать?

Стоп! А есть ли у меня, вообще, деньги после вчерашнего кутежа?!

Я даже вспотел от волнения и, незаметно сунув руку в карман, нащупал там какую-то плотную и знакомо шуршащую бумажку.

«Только бы не мелочь!» — мысленно взмолился я, и — о, чудо! — в руке моей оказалась смятая двадцатипятирублёвка.

Я вздохнул с облегчением. Осталось последнее — вручить деньги. Ну, ничего, как-нибудь... Господи, благослови на подвиг сей!

Мы были уже в прихожей. Я смотрел, как она вытаскивает из-под нагромождения разнообразнейшей обуви свои белые спортивные туфельки или, вернее, кроссовки. Потом она выпрямилась, мимоходом взглянула в зеркало, на стене. Она явно тянула время, чего-то ждала... и я уже знал, чего именно, но всё никак не мог и не мог решиться. И только, когда девушка открыла входную дверь и, обернувшись в мою сторону, хотела что-то сказать напоследок, я собрался

наконец-таки с духом и протянул ей деньги. Да, ещё, кажется, густо покраснел при этом.

Она внимательно посмотрела на мою дрожащую потную руку с крепко зажатым в ней смятым четвертаком. Потом медленно перевела взгляд на густо багровую мою физиономию. Вновь посмотрела на руку... и снова на физиономию...

— Так... — задумчиво произнесла девушка, и в бездонных её глазах-озёрах, густо опущённых ресницами, засверкали, запрыгали вдруг странные зеленоватые искорки. — Так, значит...

Она снова перевела взгляд на руку, вернее, на деньги, зажатые в руке, и вдруг улыбнулась. Девушка улыбалась, но глаза её при этом так нехорошо сузились, что я тут же сообразил, что вновь умудрился свалить очередную свою суперглупость...

Правда, сообразил я это, как и всегда, с превеликим, увы, опозданием!

— Ты что, вообразил себе, что это ты меня снял?

Я ошарашено молчал.

— Это я тебя сняла, понял?! Мне было скучно, я развлекалась... вот и сняла тебя на одну ночь! — девушка уже не улыбалась, её прищуренные глаза смотрели на меня теперь с откровенным презрением. — А ты, дурашка, вообразил, что это ты меня, да?!

Она, наконец, замолчала, а я всё продолжал стоять остолоп остолопом с дурацким этим четвертаком в вытянутой руке. Я чувствовал, как по лицу моему ползут вниз крупные капли пота... и, вообще, представлял я из себя в этот момент поистине жалкое зрелище.

Нужно было что-то сказать ей, ответить что-то... но пересохший язык мой, казалось, намертво присох к тоже разом обезвоженной ротовой полости и ни за что желал даже просто ворочаться во рту, не то, чтобы...

— Ну что, теперь ты, надеюсь, уяснил ситуацию?

И, не дожидаясь ответа, девушка резко повернулась и вышла из квартиры на лестничную площадку. Машинально я двинулся следом.

— Ах да! — она обернулась. — Чуть не забыла! Сколько тебе за труды? Червонца хватит или ты, обычно, больше берёшь?

Девушка распахнула сумочку, резким отрывистым движением выхватила оттуда червонец и ловко сунула его мне в карман рубашки.

— Ну всё, не кашляй!

И быстро побежала в сторону лифта, нажала кнопку, обернулась... и взгляд её, уже не насмешливо-презрительный как раньше, а какой-то надломленный и даже затравленный, что ли, словно ножом острым полоснул вдруг по моему сердцу.

— Эх, ты!

С лязгом захлопнулись створки лифта, и я остался один.

И тут только сообразил я, что теряю, и стремглав бросился вниз по лестнице, по пути едва не сбив с ног какую-то толстую гражданку, тяжело поднимавшуюся мне навстречу и сразу же истошно заверещавшую что-то о хулиганах проклятых. Перепрыгивая разом через несколько ступенек, я, как очумелый, мчался вниз. Третий этаж... второй... первый... Машинально взглянул в сторону лифта, он уже снова шёл куда-то вверх.

Опоздал!

Чертыхнувшись в сердцах, я выбежал во двор.

Никого!

Всё ещё на что-то надеясь, я метнулся влево, по дорожке ведущей к проспекту, к автобусной остановке, потом побежал вправо, туда, где обычно «ловили» такси. Теперь я уже не ломал голову над тем, что же сказать девушке, теперь у меня были слова... в крайнем случае, я бы нашёл их теперь...

Но, увы, всё было напрасно. Незнакомка исчезла, как сквозь землю провалилась.

— С-с-скотина! — прошипел я, от всей души высказывая себе самому всё, что в душе накипело. — Кретин! Болван! Тупица! Осёл, камнем пришибленный!

Прибавив к этому набору ещё несколько столь

же «изящных» эпитетов, я медленно повернулся и, тяжело ступая, нехотя поплёлся в сторону дома, мысленно обозвав себя напоследок ещё и «безмозглым каракумским верблюдом».

Из стихов Волкова Александра.

Осенью всё же
что-то случается,
осенью даже
люди влюбляются...
Лижет стекло,
одинокое и долго,
серенький дождик,
усталый и добрый...
Падают
мокрые листья на землю,
падают
снежные хлопья в ладони...
Падает осень
на мой подоконник...
Мне говорили:
«Это нелепо!»
Мне говорили:
«Осень — не лето!»
Я понимаю...
Я всё понимаю...
Только от этого

сердцу не легче!
Сердце,
ведь осень играет без правил!
Сердце,
ведь ты ничего не исправишь!
Мне говорят:
«Ты живёшь как в тумане!»
Мне говорят:
«Тебя осень обманет!»
Я понимаю...
Я всё понимаю...
Только вот сердце
не понимает!

* * *

Когда я вошёл, чисто вымытый Жорка сидел за кухонным столом и крупными глотками поглощал пиво прямо из горлышка. Одна, уже опустошённая посуда стояла рядом.

Увидев меня, Жорка немного смутился и протянул мне бутылку.

— Глотнёшь?

Но мне было не до пива и не до Жорки. Мне было так плохо, так невыносимо тошно, что выть впору. Выть, кусаться, царапаться, по полу кататься в неистовой истерике, сокрушая всё и вся. Я машинально взглянул на свою правую руку и

обнаружил, что всё ещё сжимаю в кулаке проклятую эту двадцатипятирублёвку.

Господи, ну какой же я остолоп, в конце концов! Ну, почему я такой остолоп, Господи?!

Я вдруг с удивлением обнаружил, что влюблён и влюблён, как говорится, по уши, и что мне просто необходимо как можно скорее отыскать незнакомую эту девушку. Впрочем, задача сия была из разряда почти неразрешимых. Ну как, скажите, отыскать человека в полутора миллионном городе, не зная о нём фактически ничего. Даже имени.

Жорка докончил пиво, крякнул от удовольствия и аккуратно поставил пустую бутылку рядом с первой.

— Пойду я, — проговорил он, поднимаясь из-за стола и неловко покашливая. — Благодарствую за ночлег, за угощение...

— Подожди!

Я вдруг испугался, что с Жоркиным уходом сразу же исчезнет, оборвётся та последняя ниточка надежды найти, отыскать всё же прекрасную свою незнакомку. И как бы тонка, почти невесома ни была она, эта ниточка...

— Постой! — я метнулся к холодильнику. — Ты, вообще-то, сильно торопишься?

— Да нет, вроде, — слегка озадачено сказал Жорик. — А что?

— Ничего! — раскрыв холодильник, я

некоторое время молча созерцал его содержимое. — Может ещё пивца?

— Куда ещё! — Жорка отрицательно покрутил головой и гулко хлопнул себя по животу. — Под завязочку!

— А водочки?

— Водочки? — Жорка задумался. — Ну, ежели один стопарик...

И вот уже он медленно, с видимым наслаждением (бр-р-р!) тянет холодную водку из запотевшего стакана, а я, усевшись напротив, задаю ему разные наводящие вопросы, пытаюсь вытащить из моего гостя хоть какие-нибудь дополнительные подробности вчерашнего вечера. И, знаете, не зря!

Душ ли помог, пиво ли, а, может, этот самый последний стопарик, но кое-что Жорка действительно вспомнил. К примеру, то, как сидели мы втроем, я, он и Лёха. Когда Лёха «слинял» — этого Жорка так и не вспомнил, зато помнил твёрдо: мы были втроем! Никакой девчонки с нами не было. Пил ли я? Да нет, кажется, уже не пил. (Ты и так уже был в полном отрубоне!) Вот только стихи какие-то всё пытался декламировать... ещё курил, вроде...

Как мы встретились, где познакомились — этого Жорик так и не вспомнил. Да и вообще, ничего он больше не вспомнил, этот Жорик. Его всё занимал вопрос, куда девался друг Лёха, меня же —

откуда взялась девушка? Может, уложив Жорика спать (то есть, забросав его одеялами, газетами и прочим), я потащился провожать Лёху (хоть бы глазком одним взглянуть на таинственного этого Лёху!), и там, на улице...

Размышления мои прервал длительный звонок в дверь.

Кого там ещё чёрт несёт?

По пути в прихожую в голову мою пришла совершенно бредовая мысль о том, что, возможно, эта самая девушка...

О том, что мысль эта не просто бредовая, а архибредовая, я убедился, как только распахнул дверь и обнаружил за ней Виктора свет Андреевича собственной персоной.

— Как, ты ещё не готов?! — трагически заорал он прямо с порога и, обернувшись, пожаловался кому-то позади себя: — Он ещё не готов, представляешь!

Этим «кем-то» оказалась, естественно, Наташа, и в руках у неё было, естественно, две книжки. Одна моя, другая, конечно же, мне...

— Приветик поэтам! — весело прощебетала она и, поцеловав меня в щёку, протянула книжки. — Эту подпишешь, а это тебе!

Я взглянул на обложку. Игорь Северянин.

Наверное, ещё вчера, получив такой подарок, а уж тем более от Наташи, я был бы на седьмом

небе от счастья. Но сегодня, сейчас...

— Это мне? — вяло проговорил я. — Насовсем?

— Ну, разумеется! Ты год издания посмотри!

— Спасибо! — я взял книжку, вяло полистал страницы. — Наверное, это как раз то, чего мне так не хватало для полного счастья. Как думаешь?

Наташины брови удивлённо взлетели вверх. Она внимательно посмотрела на меня, но ничего не сказала.

— Почему ты ещё не готов?! — снова встрял в разговор Витька. — Нет, вы на него только посмотрите! Стоит, разговаривает...

— А где Сергей? — игнорируя Витьку, спросил я у Наташи.

— Внизу, у машины. Сейчас поднимется. — Наташа поискала глазами зеркало, нашла и надолго к нему прикипела. — А ты что, и, правда, ещё не готов?

— О, господи! — вздохнул я. — Да готов я, готов... вот только объясните, сделайте милость, куда это я должен быть готов?

Наташа, оторвавшись, наконец, от зеркала, многозначительно покосилась на Витьку.

— Моя вина! — сокрушённо вздохнул тот, и виновато развёл руками. — Понимаешь, поднять то я его поднял, а вот разбудить... Ты хоть помнишь, о чём мы с тобой по телефону разговаривали, балда

ты стоеросовая? — обратился он ко мне. — Хоть что-нибудь помнишь?

— Пива хочешь? — уклонился я от прямого ответа. — Холодненькое, прямо из Баварии.

В «Баварию» Витька естественно не поверил, но от пива, по причине вчерашнего обезвоживания организма, не отказался (не та натура), и таким образом временно был выведен из строя.

А я подошёл к Наташе, всё ещё вертевшейся возле зеркала.

— Всё хорошеешь, мать!

— Твоими молитвами! — она повернулась ко мне. — А ты, я вижу, не особенно торопишься?

— Куда?

— Сейчас я ему всё объясню! — откупоривая очередную бутылку, заторопился Витька. — Значит так...

Он многозначительно замолчал и сделал первый глоток, после чего содержимое бутылки убавилось самое малое на треть.

— Лопнешь! — предупредила Наташа, глядя на Витьку не то с сожалением, не то с восхищением. — Или ещё чего случиться... некрасиво будет...

— Попр-рошу не перебивать! — Витька сделал ещё один, более чем солидный глоток. — Так вот, мы... то есть, я и эта вот влюблённая парочка...

И Витька лихо опрокинул в рот жалкие пивные остатки.

— И куда льёт? — задумчиво проговорила Наташа. — У Сергея две штуки вылакал, тут уже за третьей полез...

— Жалко, да? — окрысился Витька, лаская в руке третью бутылку. — Не думал, что ты такая жадина!

— Сам дурак!

Наташка выразительно покрутила пальцем у виска и снова занялась зеркалом.

— У него вчера был тяжёлый день! — вступился я за друга. — Исключительно тяжёлый!

— У него все дни тяжёлые!

— Значит, так! — Витька принялся собственными зубами отковыривать пробку третьей бутылки, но пробочка попала с норовом и никак отковыриваться не желала. — Значит, дела вот в чём...

И тут я вспомнил нечто, чрезвычайно для меня важное, и, вежливо подхватив Виктора свет Андреевича под костлявый локоток, почти бегом поволок его в сторону, подальше от Наташи.

— Мистер, пару слов для прессы! Только тихо!

— Давай! — Витька наконец-таки сладил с упрямой пробкой, выплюнул её себе на ладонь и понимающе улыбнулся. — Это ты насчёт

вчерашнего?

— И вчерашнего тоже! — снова уклонился я от прямого ответа. — Так что там, ты говоришь, было вчера?

— А что было вчера? — удивился Витька.

— Я сейчас, ребята! — слышался голосок Наташи, и вслед за этим гулко хлопнула входная дверь.

Витька невольно покосился в ту сторону.

— К Серёге своему помчалась, — сообщил он мне с заговорщицким видом.

— Да неужели! — удивился я. — А я думал: за пивом!

Не отвечая, Витька подошёл к окну и принялся внимательно смотреть вниз. Что он там хотел разглядеть — непонятно, ибо Серёгину «тачку» отсюда вряд ли можно было увидеть.

— Минуты не может прожить, чтобы...

— Чтобы что? — вежливо поинтересовался я.

— Чтобы то! — продолжая исследовать что-то за окном, Витька не забывал и про пиво. — Уже и к машине ревнует!

— Завидуешь?

— Сочувствую! Ему! Разве это девчонка?! Язва ходячая!

— Ну, это она с тобой только... — резонно заметил я. — Вы — прямо как кошка с собакой...

— Ах да, я и забыл! — Потеряв всяческий

интерес к творящемуся за окном, Витька вновь повернулся в мою сторону. — Ты же у неё этот, как его... Хранитель семейных тайн... так, что ли?

— Приблизительно. Так что насчёт вчерашнего?

— А что вчера? — Витька пожал плечами. — Нормально вчера! Мне даже понравилось. А ты чем недоволен?

Витька заметно оживился.

— Слушай! — он двинул меня локтем в бок. — Я вчера такую дамочку снял! Пэрсик!

В это время из кухни вышел Жорик.

— Кстати... — совсем я о нём позабыл, — познакомьтесь! Витька! А это — Жора!

Они пожали друг другу руки, а я, внимательно наблюдавший со стороны сию процедуру, лишь вздохнул разочарованно. Увы, кажется, вчера они даже и не встречались!

Я снова оттащил Витьку в сторону... впрочем, это оказалось излишним, ибо Жорик тотчас же устремился в сторону туалета.

— Так как насчёт вчерашнего?

— А, ну да! Я же говорю, такую вчера...

— Слушай, потом про свой «пэрсик»! Меня другое интересует!

Витька пожал плечами.

— Анкетные данные? — деловито осведомился он. — Могу выдать!

— Чьи данные? — Я оторопело уставился на Витьку. — Мои?

— Люськины. Не замужем, точнее, разведённая. Возраст — двадцать пять лет. Что ещё интересует. Где работает?

— Это какая такая Люська? — я вспомнил ресторан и смутно эту самую Люську. — Чёрненькая такая, стриженная?

— Чёрненькая! — с готовностью подтвердил Витька. — Стриженная!

Значит, не она!

— Ну, что тебе ещё рассказать? — Витьке явно не терпелось поскорее покончить с нудным этим занятием и перейти, наконец, к увлекательному повествованию о собственных вчерашних похождениях. — Работает в парикмахерской... живёт... Или это ты уже знаешь?

— Слушай, да причём тут Люська! — не выдержал я. — Я же тебя не о Люське спрашиваю, и не о ресторане! Я спрашиваю: что было потом?

— А я тебе и рассказываю о «потом», — удивился Витька. — Неужели ты ничего не помнишь?

— Ничего! — чистосердечно признался я. — Ресторан хорошо помню... помню, как вышли мы... И всё, как отрезало! Памятник ещё помню...

— Какой памятник? — Витька недоуменно посмотрел на меня, пожал плечами. — Не было

никакого памятника!

— Ну, ладно, пусть не было! — не стал я спорить. — А что было?

Витька задумался на мгновение.

— В парк мы пошли. Вспомнил теперь?

Самым интересным было то, что ничегошеньки я не вспомнил.

— Ну, а потом?

— Ну, а потом ты взял Люсьен под руку... впрочем, вру, это она тебя взяла под руку. Я же, дабы вам не мешать, проделал тот же фокус с Танюхой, мы вежливо сделали друг другу ручками и разошлись, как в море корабли. Ну, теперь то вспомнил?

— С ума сойти! — потрясённо прошептал я, представив мысленно всю эту картину. — Ну, а потом что?

— Что потом?

— Куда я её потом дел, Люсьен эту?

— А я почём знаю! — Витька вдруг неожиданно и громогласно заржал. — Я же в ногах у вас не стоял! Слушай! — он шутливо ткнул меня локтем в бок. — Ты что, проснулся не с ней?

— Нет! — быстренько проговорил я, надеясь, что сейчас хоть что-то прояснится. — С другой я проснулся, понимаешь!

— С третьей, с пятой, с десятой! — Витька снова расхохотался, и я понял, что ни капельки он

мне не поверил. Не в том смысле, не поверил, что я проснулся не с Люськой, а в том, что у меня, вообще, кто-то был. И я решил больше этой темы не касаться, и ничего больше Витьке не рассказывать. Яснее ведь не станет.

Очередной звонок в дверь... и вот уже я впускаю в прихожую Серёгу с Наташей.

— Здорово, Санёк! — Сергей энергично пожал мне руку. — Видел, читал, поздравляю! А ты что это, вроде, как не в духе?

— «В» — уныло ответил я. — «В» и даже больше!

— Понятно!

Наташа снова прильнула к зеркалу, а в переднюю вышел Жорка.

— Пойду я! — буркнул он, глядя куда-то вниз.

Сергей вопросительно посмотрел на меня.

— Это Жора, мой знакомый! — представил я Жорика. — А это — Сергей!

— Наталия! — пропела Наташа, на мгновение отрываясь от зеркала. — А вы что, уже уходите?

— Да я, собственно... — Жорик замялся. — Вообще-то, да... мне пора!

Он вышел и аккуратно затворил за собой дверь.

— Странные у тебя знакомые! — Наташа наконец-таки оставила зеркало в покое. — А

больше никого нет?

— Как же, есть! — я широким жестом показал в сторону Витьки, тоже появившемуся в прихожей из кухни с очередной бутылкой пива в руке. — Вот, познакомьтесь! Это Наташа, это Витька, кажется... если не ошибаюсь...

— Ошибаешься! — сказала Наташа. — Никакой это не Витька! Это Кот Котофеевич!

— Я попр-рошу! — вскипел Кот Котофеевич. — Серёга, уйми её, пока я добрый!

— Да ладно вам! — сказал Сергей и, повернувшись в мою сторону, добавил: — Наташа сказала, что ты ещё не готов!

Ну вот, опять!

— Да объясните же вы мне толком, — возопил я, — в чём, собственно говоря, дела?! Куда вы собрались? А то заладили: готов, не готов! Нашли, понимаешь, юного пионера!

Сергей удивлённо посмотрел на Витьку.

— Что ж ты, Витёк?!

— О, господи! — простонал Витька. — Да я же ему битых два часа по телефону...

— Ты извини, старик! — виновато сказал я. — Я, наверное, неважнецки себя чувствовал... так что...

— Ладно, можешь не извиняться! А я то, дурак безмозглый, два часа...

Ну, это он преувеличивает. Полчаса, не

больше...

— Ладно! — Витька махнул рукой. — Сейчас объясню! Вот только горло промочу.

И Витька снова присосался к пиву.

Я терпеливо ждал.

— Да ну его! — махнула рукой Наташа. — Я сама всё объясню! У тебя ведь сейчас свободные дни, так?

— Ну, в принципе... — осторожно проговорил я. — Как говорит один мой любимый герой одного моего любимого мультика: «до пятницы я совершенно свободен»!

— Не перебивай! — Это уже Витька встрял в разговор. — Свободные дни — это раз! Погодка на улице — высший класс! Это уже, кажется, два! Улавливаешь мысль мою, отрок?

— Пока, не улавливаю! Дальше, что?

— А дальше, всё! На сборы тебе... — Витька посмотрел на часы, — пятнадцати минут, я думаю, вполне достаточно! С собой брать исключительно самое необходимое, телевизор и холодильник не обязательно. Так, палатки у нас в машине, спальники там же... Что ещё? Натали, с продовольственными ресурсами у нас как?

— Маловато, — сказала Наташа. — Особенно, учитывая аппетит некоторых...

— Вот! — Витька поднял вверх указательный палец. — Поищи чего-нибудь съедобного!

— Подожди, не тарахти! — Я ещё не совсем пришёл в себя. — Куда это вы направляетесь?

— Не «вы», а «мы»! — наставительно сказала Наташа. — Ты что, себя за человека не считаешь?

— Ну, хорошо, мы! — поправился я. — И куда, это, мы направляемся?

— Назад, к природе! — мечтательно произнёс Витька, снова взглянул на часы и вполне буднично добавил: — Между прочим, пять минут уже прошло!

Я вновь вздохнул (в который раз уже за сегодняшнее утречко!) и направился в сторону кухни за продовольственными ресурсами. В это время в дверь снова позвонили.

— Я открою, — сказала Наташа.

Пока я гадал, кто же там может быть, Наташа вернулась вместе с... рыжим Жоркой.

— Я, это... — виновато сказал он, — ключи где-то посеял. Я посмотрю, ладно?

— Валяй! — проговорил я, наполняя рюкзак продуктами. — Смотри!

Но Жорка, кажется, не вполне был уверен, что «посеял» ключи именно здесь (о чём он мне и поспешил сообщить). С таким же успехом он мог «посеять» их в любом другом месте.

— Да ты поищи на всякий случай, — посоветовал я, всё ещё роясь в холодильнике. — Мало ли что...

И Жорка углубился в поиски.

— Ну что, нашёл? — спросил я его некоторое время спустя.

Вопрос был донельзя глупый, ведь я хорошо видел, что ничегошеньки Жорка не нашёл.

— Как же я, это... домой-то попаду? — растерянно пробормотал он, в сотый, наверное, раз обшаривая карманы. — Мать, она только завтра возвращается... что же мне, опять дверь ломать?!

По его разом поскучевшей физиономии пробежала чёрная тень воспоминаний.

— Слушай, а поехали с нами! — неожиданно вырвалось у меня. — В эту, как её... ну, в общем, назад к природе!

Витька обалдело на меня уставился, но пока смолчал. И на том спасибо...

— Ну, так как? — с треском захлопнув холодильник, я удовлетворённо покачал в руке тугой рюкзак. — И отдохнёшь, и дверь целой останется...

Жорка кривовато улыбнулся (мол, понимаю, ребята, вежливость и т. п.), потом отрицательно покачал головой.

— Да не... я уж как-нибудь перекантуюсь!

Я искоса взглянул на Витьку и отметил, что он с известной долей облегчения встретил сей отказ. Да я и сам, признаться, не собирался больше настаивать на своём предложении, но тут,

неожиданно и как всегда некстати, в разговор встряла Наташа.

— Глупости какие! — решительно заявила она. — Ну, где ты будешь «кантоваться»? В подворотне?

— Правда, поехали! — поддержал её Сергей. — Чего зря в городе киснуть в такую погоду!

— Тем более, что дверь закрыта! — снова вставила свои пять копеек Наташа.

— Да вы что, ребята? — растерянно проговорил Жорка, разглядывая по очереди нас всех. — Да что я, не понимаю, что ли! У вас своя кампания... зачем я вам?!

— Ерунда какая! — окончательно рассердилась Наташа. — Своя... твоя! В общем, едешь и всё!

— У тебя завтра выходной? — спросил Сергей.

— Ну, выходной! Только я...

— Или тебе домой очень надо?

Жорка промолчал.

— Значит, договорились?

Витька возмущённо кашлянул у окна, но Сергей даже бровью не повёл в его сторону.

— Договорились? — переспросил он.

— А! — как то по особенному обречённо махнул рукой Жорка. — Всё равно уж!

— Ну, вот всё и уладилось! — сказал я. — Идём, я тебе кое-то организую из собственных запасов. Плавки там, полотенце...

Витька снова зашёлся в длительном приступе кашля, и Сергей наконец-таки соизволил обратить на это своё внимание.

— Ты что, простыл?

— Простыл! — ледяным голосом отвечивал Витька. — И здорово, кажется!

— С чего бы это?

— Наверное, пиво слишком холодное было? — ядовито вернула Наташа. — Да, Витечка?

— Да, Наташечка!

Повернувшись к ней спиной, Витька демонстративно направился к выходу.

— Я вас возле машины подожду! — бросил он через плечо. — Только вы не очень задерживайтесь!

— Да, пора! — произнёс Сергей, озабоченно взглянув на часы. — Итак, что у нас? Санёк, ты готов?

— Как пионер!

— Жора, ты?

Тот лишь неопределённо пожал плечами. Да и вопрос то был чисто риторический.

— Ну, тогда всё! Вперёд!

Мы дружно высыпали на лестничную

площадку, и тут я вспомнил, что, кажется, ещё не совсем всё.

— Держи! — я сунул Жорке рюкзак с продресурсами. — Вы спускайтесь, я мигом! — добавил я, снова ковыряясь в замке. — Да, кстати, куда мы едем?

— Каменный брод знаешь? — сказал Сергей.

— Слышал! Неплохие, говорят, места.

— Вот и проверим!

Открыв, наконец, дверь, я забежал в кабинет бати и, схватив со стола чистый лист, быстренько набросал на нём коротенькую записку следующего содержания: «Уехал на природу с Витькой зпт Серёгой зпт Наташей».

Я подумал немножко и добавил: «... и Жоркой тчк».

Потом ещё подумал и ещё добавил: «Точные координаты сообщить не могу тчк Окрестности речки Каменный брод тчк Вернусь завтра к вечеру тчк».

И внизу поставил дату и свою залихватскую подпись.

Вот теперь, кажется, действительно всё. Хотя, нет, ещё пару строчек:

«Да зпт кстати зпт вышел мой зборник тчк Кладу на стол тчк Полистай на досуге тчк»

Небольшое отступление. За двое суток до...

Бугров

— Алло, Танюшка, ты?! Что? Нет, с работы. С работы, я говорю! Таня, я... Что, что? Да нет же, Таня, я почему и звоню! Что? Ну, помню, договаривались в пять, а сейчас уже... Таня, ты можешь хоть раз выслушать меня, не перебивая! Да нет, ну почему «всегда так»? Что? Ну, сходи одна, поздравь их от нашего имени... ну, хорошо, от своего имени! Таня, ну я же не знал вчера вечером, что так получится! Экстренная командировка. Что? Да причём тут она?! Я её, если хочешь знать, уже сто лет не видел! Двести, даже! Слушай, давай не будем сейчас! Да не будет её с нами, понимаешь, не будет! Кто будет? Я и профессор, только и всего! Ну, водитель ещё... как же без водителя... Что? Ну, и слышимость у нас! Слышимость, говорю, отвратительная! Вообще-то, мне почему-то кажется, что мы вскорости и вернёмся. Почему я так уверен? Да понимаешь, несерьёзно всё это как-то... Пошли ребяташки на экскурсию, наткнулись на череп... Череп, говорю, нашли! Ну, какой, какой... ясно, человеческий! Что? Да причём тут милиция?! Старый череп. Ну вот, а училка эта, что с ними была, сразу же нам звонить. Вбила себе

в голову, что это неандерталец, представляешь! Ах, неинтересно! А что же тебя тогда интересно? Ой, испугала! Куда пойдёшь? И с кем это, интересно? С кем?! Да какой он спортсмен? Ну, если только по метанию пончиков! Ой, не оскорбляю я его, больно надо! Алло, Таня, ты меня слушаешь?! Ну, ладно тебе, потом обсудим эту тему! Я говорю, приеду — потом всё и обсудим! Тем более, что ничего там серьёзного, ложная тревога... Надоело? Что надоело? Что значит «всё»? Таня, прости, но это не телефонный разговор! Ну, мы всё равно это сейчас не выясним. Встретимся — поговорим! Что? И с кем это, интересно?! Ах, не моё дело! А чьё же тогда дело? Что? И это не моё дело? Ну, всё равно... хотелось бы посмотреть... Что?! Алло! Алло! Таня, не клади трубку! Алло! Вот чёрт, поговорили, называется!

* * *

— А ведь это непорядок! — сказал Сергей, когда, мчась назад к природе, мы в очередной раз уткнулись в красный сигнал светофора. — Вы как считаете?

— Не совсем понял вас, сэр! — тут же оживился Витька. — В чем, собственно, вы видите непорядок, сэр?

Окончательно смирившись с Жоркиным

присутствием, как с необходимым злом, Витька вновь стал самим собой.

— Нас сколько?

— Пятеро, сэр!

— А соотношение полов?

— Четыре к одному. Ай-ай-ай!

Действительно, безобразие! Исправлять надо, и немедленно!

— Вот тебе, как говорится, и карты в руки!

Зажёгся зелёный, и мы двинулись дальше.

— Ну, так как, Витёк?

Вместо ответа Витька лишь ожесточённо почесал затылок.

— Нда... ситуэйшен... — пробормотал он, немного помолчав, и вторично почесал затылок.

— Жалко ему для коллектива! — встряла в разговор Наташа, поворачиваясь в нашу сторону. — А ну, не жмись! Раскрывай свою записную книжицу и в алфавитном порядке! Одну... две... кого не слишком жалко! Себе можешь не брать, разрешаю!

Витька в третий раз полез рукой в затылок.

— Ситуация, говорю, нарочно не придумаешь!

— А что так? — спросил Сергей.

— Ну, нет у меня никого! Что, не верите?

— Не! — в один голос сказали мы с Наташей. — Не верим!

— Ну, бросили меня все, один я таперича!
Что, опять не верите?

— Аки перст! — сказал Сергей, натываясь на очередной красный сигнал светофора. — Вот же, не везёт как!

— Не везёт! — согласился Витька, приняв Серёгины слова на свой счёт. — Вот... были, были — и никого не осталось!

— Бедненький! — злорадно хихикнула Наташа. — Представляю, каково нашему котуку остаться без единой своей кисоньки! Зачахнет, линять начнёт...

— Я попр-рошу! — отчаянно взвился Витька. — Что за намёки такие идиотские, и причём тут, кстати, представители семейства кошачьих?!

— Притом!

Наташа показала Витьке язык и отвернулась.

Ну, что ж, тоже аргумент.

— Значит, нет? — спросил Сергей, в очередной раз оставляя позади себя перекрёсток.

— Значит, нет! — твёрдо произнёс Витька и даже руками развёл, показывая этим жестом высшую степень своего огорчения.

Я хотел напомнить нашему «котуку» о его вчерашнем «высшем классе», но вовремя сдержался. Любая палка, она всегда о двух концах...

— Ну, тогда... Сергей поймал меня в зеркальце заднего вида, — вся надежда на тебя, Санёк! Не подкачаешь?

Ну, зачем он так?! Ведь знает, что подкачаю!

— Увы! — в тон ему ответил я. — Где уж нам, убогим...

— А вы сам, сэр! — молниеносно нанёс ответный «укол» Витька. — Мне помнится, у вас всегда был достаточно обширный круг знакомых противоположного пола! Могли б и выручить, а?

— Чем бы его треснуть! — задумчиво проговорила Наташа, снова поворачиваясь к нам. — Так, чтобы не до смерти, но чувствительно...

— Ну, так как, сэр? — повторил Витька, предусмотрительно откинувшись на самую спинку сидения. — Выручите коллектив?

— Пускай попробует только!

Наташка показала Витьке кулак, и, отвернувшись, принялась что-то быстро шептать Серёге на ухо. Он ответил ей что-то, тоже на ухо, и они оба весело рассмеялись над чем-то, нам, остальным, увы, неизвестным.

Я смотрел на них: на Серёгу, на бесконечно счастливое Наташино лицо... и вдруг, с удивлением превеликим, осознал, что меня это совершенно даже не касается. Честно говоря, уже давно смирившись со скромной своей ролью эдакого «друга семьи», я, не то чтобы ревновал, но, во

всяком случае, вот это вот, всегда и во всём подчёркнуто благожелательное и ласковое Наташино ко мне отношение изрядно портило мне нервы. А может, и не нервы, самолюбие, скорее... сначала сильно, потом уже менее ощутимо, а в последнее время и вовсе чуть-чуть...

А вот сегодня, сейчас...

Ничего! Абсолютно даже ничего! Прямо чудеса в решете!

— Где больше двух — говорят вслух! — недовольно пробурчал Витька, приняв смех на переднем сиденье на свой счёт. Хотя, кто знает, может, он не очень то и ошибся. А всё-таки, занимательная эта штука — жизнь, чертовски непредсказуемая штука, ежели разобраться...

Вот что, к примеру, было бы, не пригласи я Серёгу на тот самый наш филфаковский вечер?

А действительно, что?

Небольшой экскурс в историю на тему: Что было бы, если бы...

В тот день я, помнится, позвонил Серёге.

— А, это ты, Санёк! — вместо приветствия сказал он. — Ты почему на тренировке вчера не был?

— Да, знаешь... — замялся я, — были дела! Завтра обязательно приду!

— Выпру я тебя из секции! — мрачно констатировал Серёга. — Ты уже сколько прогулял? Учти, соревнования на носу!

— Я тренируюсь! — быстренько заверил я друга. — Каждый день!

— Это хорошо! В общем, считай, что я тебя предупредил! А ты чем сейчас занимаешься?

— Да ничем, собственно... — я замялся. — Я, почему звоню! Ты сам то чего сейчас делаешь?

— Понятно! — рассмеялся в трубке Серёга. — Ты меня хочешь куда-то затащить, признавайся!

— Ну, вообще-то, да! Понимаешь, у нас на филфаке вечер, ну а у меня, случайно, лишний билетик оказался...

— Рассчитывал на даму, а она не сможет?

— Да ни на кого я не рассчитывал! — почему-то разозлился я. — Какая может быть дама!

Непонятно было: разозлился я, потому что соврал, или соврал именно потому, что здорово разозлился. Ведь всё было в точности так, как и предположил Сергей, с одной лишь разницей: «дама» сия на вечере будет обязательно, и не только на вечере, но и на сцене. Второй же билет я взял, рассчитывая на неё... потом уже выяснилось, что билет ей, в сущности, и не нужен...

Этой «дамой» и была Наташа.

Странные у нас с ней были взаимоотношения...

Помнится, в самом начале второго курса, на самой первой лекции даже... впрочем, лекция ещё и не думала начинаться, и все наши просто-напросто сидели в её ожидании и интенсивно обменивались впечатлениями, неизбежно накопившимися за столь долгий летний период. Я, впрочем, сидел один-одинёшенек, и абсолютно ни с кем абсолютно ничем не обменивался... и в это время в аудиторию и вошла в первый раз Наташа. И не я один... всё немногочисленное мужское население нашего курса, разинув рты, восторженно уставилось в сторону хорошенькой незнакомки.

Не знаю, что сыграла главную роль: то ли я занимал наиболее оптимальное и любимое ей место в аудитории, то ли уже тогда, с самого первого взгляда, она выбрала меня для той роли «духовного исповедника», в коей я и по сей день пребывать изволю, то ли просто совершенно случайно так вышло... но Наташа остановилась как раз напротив моего стола.

— Возле тебя свободно? — спросила она, и я, спиной чувствуя завистливые взоры сокурсников, поспешно кивнул в знак согласия.

С того самого первого дня так повелось, что Наташа всегда садилась возле меня во время лекций. Мы вместе просиживали часами в университетской библиотеке, вместе бегали во время большого перерыва в нашу студенческую

столовую, но платить за себя она никогда не позволяла. После многочисленных и, увы, неудачных попыток переспорить её, я согласился, что платить мы будем по очереди и, компенсируя своё поражение, старался набирать в «свой» день всё лучшее из того, что могла предложить в этот день наша скромная забегаловка. После окончания занятий мы частенько шли в кино или ещё куда-нибудь... ну а потом я обязательно провожал Наташу до самого общежития, а иногда, усыпив бдительность строгой вахтёрши, даже пробирался к ней в гости. Наташа жила в комнате с двумя девчонками курсом постарше, но они, всякий раз, как только я всовывав голову в дверь и говорил своё дежурное «здрасьте!», понимающе улыбались и, посидев ещё для приличия минут пять-десять, куда-то надолго сматывались...

Ну, а Наташа сразу же начинала исполнять роль гостеприимной хозяйки. Она врубала музыку, готовила мне кофе по своему рецепту, рассказывала всяческие занимательные (с её точки зрения) истории и историйки, и всегда при этом весело смеялась. Я чувствовал, что всё-таки небезразличен ей, но вот насколько далеко простиралось это самое небезразличие, этого, увы, никак не мог уловить. И мучился чрезмерно, проклиная себя за излишнюю стеснительность и даже робость... и всё никак не мог решиться на что-нибудь более-менее серьёзное.

Я уже понял, что влюблён и влюблён по уши, но Наташа этого, кажется, даже не замечала. Или очень искусно делала вид, что не замечает. А я...

Я боялся признаться в любви, ибо в неведении есть всё же хоть какой-то элемент надежды, в отказе же — все точки над «и» уже выставлены окончательно и бесповоротно, и даже места для самой дохленькой надежды там попросту не остаётся.

Однажды я осмелел (или обнаглел) до такой степени, что сделал слабую и довольно-таки неуклюжую попытку пригласить Наташу к себе домой (был, кажется, повод... праздничек какой-то, не помню уже какой, но был...). Наташа, не только сразу же отказала мне в этой скромной и вполне невинной просьбе-предложении, но и сделала это в настолько резкой форме, что я и не заикался больше о чём-то подобном. Более того, неделю или две даже после памятного сего события, она чуть ли не избегала меня (во всяком случае, мне так тогда показалось). Потом всё это как-то само собой прошло, и всё у нас потекло по-прежнему, с той лишь разницей, что бедный деревянный мой язык становился ещё более деревянным в её присутствии нежели раньше...

Домой ко мне она так и не попала тогда, но с родителями моими всё же познакомилась, и произошло это на улице, где мы совершенно

случайно столкнулись нос, как говорится, к носу. Пришлось остановиться и в английском стиле представлять их друг другу.

— Хорошие у тебя родители! — задумчиво сказала Наташа, когда церемония знакомства осталась позади, и каждый из нас отправился дальше по своим делам (мы с Наташей, если не ошибаюсь, опаздывали в кино). — Хорошие, да?

— Родители как родители! — как можно более безразлично проговорил я. — В общем, не жалею.

— Они, наверное, очень любят друг друга?

Вот на это я ничего не ответил. Да и что было отвечать?

Любят... не любят... поцелуют... плюнут... К сердцу прижмут... к чёрту пошлют...

Меня-то они оба любят, во всяком случае...

Сложная эта штука — родители! Раньше, когда я был маленьким, всё в мире было просто и однозначно: есть мама, и есть папа, и они, естественно, самые умные и самые красивые в целом мире. Лучшие, одним словом! Тогда у меня и в мыслях не возникало даже, что папа, скажем, может не любить маму, или наоборот... Такого просто быть не могло!

До десятого класса пребывал я в счастливом сим убеждении, но вот, в один прекрасный день... Хотя, какой же он прекрасный?! Гадкий,

отвратительный день!

А потом ещё и тот, случайно подслушанный, «крупный» разговор на кухне, для моих ушей, естественно, не предназначенный. И встреча та злополучная... И зачем она мне только нужна была, эта встреча?!

Я снова вспомнил ту, первую и единственную свою встречу с этой женщиной. Впрочем, какая же она, к чёрту, женщина... да она моей ровесницей выглядела, особенно рядом с батей... И то, как я вёл себя тогда с ней, с ними... И, может, вскоре последовавший батин сердечный приступ...

Этот приступ...

Если бы не он, я, может быть, и не ощущал бы до сих пор странное непонятное чувство какой-то своей вины перед отцом. И, что самое странное, до сих пор я не могу отделаться от мысли, что и батя тоже ощущает некое подобное чувство, но уже по отношению ко мне. Так что, выходит, тут мы квиты, если я, конечно, не ошибаюсь...

— О чём ты задумался? — встревожено спросила тогда Наташа. — Я что-то не то ляпнула?

— Да нет, всё в порядке! — Я посмотрел на часы. — Давай лучше прибавим ходу, а то ведь опаздываем уже!

И мы прибавили ходу.

И всё равно, кажется, опоздали.

И этой темы больше не касались. Никогда.

Даже вскользь.

Родителям моим Наташа тоже, кажется, понравилась, особенно мамаше. Два или три раза она попыталась даже завести со мной разговор на эту тему, но я всякий раз на корню пресекал все подобные попытки.

Дома-то пресекал, но на факультете нас сразу же и безоговорочно «оженили». Наш «роман» (или, что куда ближе к истине, некое внешнее подобие «романа») был официально «зарегистрирован» в новейшей истории филфака, все наши ребята смотрели в мою сторону с плохо скрываемой завистью и порой взгляды их были куда красноречивее слов:

«Ты смотри, тихоня из тихоней, а какую отхватил!»

Впрочем, нельзя сказать, что отъявленные «дон-жуаны» филфака так сразу и безоговорочно смирились с очевидным этим фактом. Было с их стороны и немое обожание Наташи, да и откровенные попытки ухаживания и отбивания случались... и порой, глядя на очередную такую попытку, у меня даже сердце замирало от волнения.

Но особых причин для беспокойства Наташа мне не давала, как не давала ни малейшего повода для самых минимальных надежд ни одному из многочисленных своих поклонников. Более того, в некоторых, особо «тяжёлых» случаях, когда

очередное ухаживание явно затягивалось и становилось уже простым приставанием и надоеданием, Наташа тотчас же обращалась за помощью ко мне. И я довольно быстро ставил очередного «соискателя» на полагающееся ему место. В течение каких-нибудь пяти минут душевной беседы наедине. И два раза никого уговаривать не приходилось, все отлично всё понимали с первого раза. Да и не особенно переживали, кажется. Девчат, и симпатичных, на нашем факультете хоть пруд пруди.

Но и они, кокетничающие напропалую со всеми, как-то все разом, словно сговорившись, почтительно обходили меня стороной, словно стеснялись навязывать своё скромное общество столь знаменитой персоне...

Так продолжалось и месяц, и два... так продолжалось почти полгода, и за всё это время я даже ни разу не поцеловал Наташу. Её ослепительная красота словно сковывала меня, язык мой (я уже упоминал об этом) становился совсем деревянным, голос же начинал предательски дрожать при одной-единственной мысли о чём-то подобном.

Но вот, наконец, я решился! Хоть, если быть честным до конца, инициатива сия исходила как раз то и не от меня...

Впрочем, начну по порядку.

Я хорошо запомнил этот день. Была ещё зима, самый конец февраля... но приближение весны уже явственно чувствовалось во всём. Мы с Наташей шли по хрустящему ноздреватому снегу старого парка и разговаривали о... поэзии. Дело в том, что как раз накануне большая подборка моих стихов появилась в одном солидном центральном журнале, тотчас же вызвав на факультете новый всплеск повышенного интереса к моей скромной персоне.

Прочитав стихи, Наташа тотчас же устроила мне форменный допрос с пристрастием, и мне пришлось признаться, что я вот уже несколько лет тайно занимаюсь стихоплётством.

— Несколько лет! — возмущённо воскликнула Наташа. — И ни разу мне ни слова?!

Я виновато промолчал.

— Тебе не стыдно?!

— Просто я никому не показывал, — начал оправдываться я. — Понимаешь, я...

— Ничего не хочу понимать! — сказала, как отрезала, Наташа. — Сегодня же после занятий ты приглашаешь меня к себе домой и там показываешь мне всё! Всё, понимаешь?!

— Понимаю! — покорно согласился я, чувствуя, как оглушительно заколотилось в груди сердце. Дело в том, что родители мои ещё вчера укатили в гости к весьма отдалённым (как по родству, так и по расстоянию) родичам на какой-то

их там особенный юбилей, так что сегодня я был дома совершенно один. Неужели...

— У тебя замечательные стихи! — уже мягче сказала Наташа и, взяв меня за руку, повлекла за собой в сторону аудитории. — Идём, опоздаем!

Я шёл за ней как во сне, ничегошеньки вокруг себя не замечая. Мысли мои путались, но одна из них отчётливо выделялась на общем беспорядочном их фоне:

«Сегодня или никогда!»

Во время одного из перерывов я, улучив момент, успел смотаться к телефону-автомату и звякнул из него Витьке, строго-настрого предупредив его, чтобы ни под каким соусом он сегодня ко мне не приходил и даже не звонил.

— Так мы ж договорились? — удивилась эта «балда». Потом, видно что-то сообразив, Витька весело, во всю глотку заорал: — Старик, я тебя поздравляю! Хочешь совет? Бесплатный!

Но у меня не было ни времени, ни желания выслушивать его разглагольствования.

Занятия в этот день тянулись на удивление долго, куда дольше обычного, и всё же у меня хватило силы воли (сам удивляюсь, как), не напоминая Наташе ни о чём, даже соорудить удивлённо-непонимающее лицо, когда по окончании последней лекции она сказала:

— Ну что, идём?

— Куда?

— К тебе! Или ты передумал?

Продолжая играть в равнодушие, я несколько театрально пожал плечами.

— Пошли, если хочешь!

Наташа внимательно на меня посмотрела и, кажется, хотела даже что-то такое сказать, но промолчала.

И мы пошли.

Из стихов Волкова Александра

Стоял февраль...

Обычный день зимы...

Над городом

холодные дымы

вонзались в небо,

тонки и прямы...

И мы...

Куда-то шли с тобою мы...

Мы шли...

Над этой дымной тишиной

звенело небо

ветреной струной.

И звон его,

хрустально-ледяной,

вставал незримо

меж тобой и мной...

Итак, мы шли по предвесеннему продрогшему парку, и, чем ближе подходили мы к моему дому, тем сильнее охватывало меня трусливое желание повернуть обратно. Выдумать что-нибудь, соврать... В конце концов, могу я вспомнить неожиданно о чём-то важном и даже неотложном!

Но я отлично понимал, что ежели не сейчас, то уже никогда больше... и что до конца дней своих я не прощу себе этого...

Лифт почему-то не работал, и, поднимаясь по лестнице, я немного успокоился. Ведь ничего страшного не произошло. И не обязательно вовсе форсировать события. В крайнем случае мы же можем просто приятно провести время: поболтать о поэзии, попить кофе... «Видик» врублю...

— А у тебя кто сейчас дома? — спросила вдруг Наташа, когда мы уже остановились возле входной двери, и я лихорадочно шарил по всем карманам в тщетных поисках ключей. — Отец? Мать?

— Никого у меня дома, — произнёс я как можно более безразличным тоном, обнаружив наконец-таки вредные эти ключи в заднем кармане джинсов. — В гости уехали к родственникам.

— Уехали?!

Искося наблюдая за Наташей, я вдруг заметил,

как она вздрогнула и даже побледнела.

— Ты чего? — забеспокоился я. — Что-то не так?

— Да нет, всё так! — Наташа задумчиво закусил губу и как-то не совсем натурально мне улыбнулась. — Всё так, не обращай внимания! Ну, чего ты смотришь, я же сказала: всё в порядке!

— В порядке, так в порядке! — поспешно произнёс я, слишком хорошо памятуя, чем закончилась та, первая моя попытка пригласить Наташу домой. — Впрочем, если ты передумала — мы можем и не идти! Хочешь, в кино сходим?

«Что я такое несу, балда! — мысленно ужаснулся я себе самому. — А вдруг она и в самом деле передумает?!»

Но Наташа не передумала. Она лишь внимательно на меня посмотрела (точнее, на то, как я продолжал возиться с непослушным замком, куда вредные эти ключи никак не желали подходить) и, кажется, что-то всё-таки хотела мне сказать, но потом почему-то передумала. Дверь наконец-таки широко распахнулась, пропуская нас с Наташей в прихожую.

Из стихов Волкова Александра

Я снова памятью расколот...

Ведь это было,

было,
было:
трещал январь,
был зимний холод
и снега белизна слепила
мои глаза...
И был я молод...
Всё было странно-неземное:
в лесу,
с его голубизною,
в зиме,
с её холодным светом,
в прозрачной тишине
без ветра,
в деревьях,
стынувших во сне,
во всей застывшей
белизне...
Всё было странно-неземное...
Но я губами прикоснулся
к берёзке,
девочке уснувшей...
И, задохнувшись,
как от ветра,
берёзка вздрогнула
и с веток
на землю уронила снег,
и задрожала в полусне,

вдруг расколдованная мною...

Всё было странно-неземное...

А, может, всё приснилось мне?

* * *

Пока я колдовал над кофе и ломал себе голову, тщательно продумывая сервировку стола, Наташа, забравшись с ногами на диван, читала стихотворение за стихотворением плоды моих бессонных ночей.

— Ну, как? — спросил я, входя, наконец, в зал. — Не совсем безнадёжно?

Оторвавшись от чтения, Наташа задумчиво взглянула на меня.

— Слушай, ты молодец! — сказала она. — Нет, правда! Мне нравится!

— Всё? — недоверчиво поинтересовался я.

— Почти? — Наташа повела носом. — Кофе?

— И кофе тоже! — уклонился я от прямого ответа. — Так что, прошу к столу!

Наташа отложила в сторону тетрадь и встала.

— Ладно, — сказала она, — объявляется перерыв! Кстати, где тут у тебя можно руки помыть?

Я проводил её до ванной, а сам пошёл на кухню.

— Ух, ты! — донёсся до меня восхищённый Наташин возглас. — Слушай, я ещё никогда не видела такой шикарной ванны! Плавать можно! И зеркала кругом...

— Это всё батя! Хобби у него такое — квартиру благоустраивать! — досадливо пробормотал я и с унынием подумал, что, скорее всего, ни черта я и сегодня не скажу! Вот не успел только мысленно начать, а в горле уже сразу пересохло, да так, будто три дня без воды сидел...

— Что ты говоришь? — спросила Наташа, высовывая голову из ванной.

— Да нет, это я так... — мрачновато буркнул я и, спохватившись, тут же добавил уже другим, неестественно бодреньким голосом: — Ну что, к столу?!

— Знаешь что... — Наташа подошла к столу, окинула его оценивающим, чисто женским взглядом. — Может, чуть позже, а? А сейчас я хочу ванну принять. Надеюсь, ты не против?

— Ну, что ты! Пожалуйста!

Я лихорадочно попытался сообразить, что же даёт мне этот вот, новый поворот событий.

— Я сейчас быстренько всё организую! Полотенца... они там, в ванной, мыла, шампунь — там же...

— Халат! — напомнила Наташа.

— Халат? Ах да, халат! — я метнулся к

шкафу. — Вот, держи! Подойдёт?

— Спрашиваешь!

Наташа лучезарно мне улыбнулась и, защёлкнув дверь ванной изнутри, открыла воду. А я поплёлся на кухню и, плюхнувшись обессилено на ближайший табурет, принялся размышлять. Итак, судьба необычайно милостива ко мне сегодня, ибо Наташа домой, то бишь, в общагу, явно не торопится.

«Ну и что? — тут же перебил меня скептический внутренний голос. — Ты же, болван, всё равно будешь весь вечер мямлить, тянуть, откладывать до последнего! Я же тебя (тут многоточие), как облупленного знаю!»

Да, к сожалению, я себя знал! И в данной, стопроцентной, как говорится, голевой ситуации, я всё-таки сумею ухитриться и пробить со всего размаха выше ворот. Метров этак на пять выше...

— А, чёрт!

Я вытащил из шкафчика над столом початую бутылку армянского коньяка, до краёв наполнил фужер. Потом вздохнул и залпом его опрокинул.

«Не поможет! — с ехидцей заметил внутренний голос. — Зачем зря добро переводить?»

«Заткнись, осёл!» — мысленно рявкнул я на него, и тут же снова набухал себе полный фужер.

Но пить не стал. Не хотелось как-то пить. Подержал, повертел фужер в руке, потом аккуратно

поставил его на стол. Встал, бездумно прошёлся по кухне. Сервировка стола, ещё недавно казавшаяся вполне приличной и даже стильной, вдруг поразила меня своей вопиющей безвкусицей. Не зря же Наташа так странно на неё посмотрела...

«Надо срочно всё поменять! — мелькнуло у меня в голове. — Может, коктейли какие сообразить? Да я уже и позабыл, как они соображаются, эти коктейли! И мороженого нету... Да и вообще...»

И тут я услышал, что Наташа окликнула меня по имени... услышал, подбежал к ванной, и вдруг с удивлением обнаружил, что дверь ванной не только не заперта, но и, наоборот, чуть приотворена. Кровь мигом прихлынула к моему лицу, жаркими молоточками застучала в висках...

— Саша! — снова послышался голос Наташи. — Ты где?

— Здесь! — сипло проговорил я, судорожно пытаюсь проглотить какой-то сухой шершавый комок, прочно застрявший в горле. — Я здесь!

«Зря второй фужерчик не хлопнул!» — с запоздалым раскаяньем подумалось мне.

— А ты не сильно занят?

— Нет! — Я кашлянул, тщетно стараясь прочистить горло. — А ты чего хотела?

— Если тебе не трудно, потри, пожалуйста, спину.

Да, это была уже и не стопроцентная даже... это была сверхстопроцентная голевая ситуация! Двухсотпроцентная! Только самый распоследний кретин ухитряется бить мимо из подобной ситуации!

Впрочем, я и есть этот самый «распоследний кретин»!

Старательно и аккуратно тёр я мочалкой из натуральной губки Наташины плечи. (Боже, с каким наслаждением я покрывал бы нескончаемыми поцелуями эти плечи!). Потом руки мои переместились чуть ниже, на ту часть спины, которая не была скрыта водой. Я тёр, а Наташа, абсолютно не чувствуя необычности ситуации (или делая вид, что не чувствует), оживлённо болтала со мной о чём-то совершенно постороннем. И эта весёлая, непринуждённая её болтовня действовала на меня наподобие холодного отрезвляющего душа. Наташа была так близка и так доступна... но я то знал, что близость и доступность эти весьма и весьма условны. А, может, всему виной проклятая моя нерешительность?

«А я тебе что говорил?!» — мысленно вякнул, было, внутренний голос, но я так свирепо на него цыкнул (тоже, разумеется, внутренне), что он моментально и надолго заткнулся.

А Наташа, сама того не осознавая (а, может, и осознавая, кто знает?), добивала меня

окончательно, вдруг решив безотлагательно поменять воду. И по мере того, как падал-убывал уровень воды в ванне, открывая для меня всё новые и новые перспективы для общественно-трудовой деятельности, всё сильнее начинали дрожать мои руки, с трудом старающиеся удержать в повиновении выскальзывающую мочалку. А вокруг были эти проклятые зеркала, и куда бы я не поворачивал голову...

— Ну, что ты, как сонный! — с оттенком лёгкого неудовольствия сказала Наташа. — Посильнее можешь?!

От отчаянья я закрыл глаза и попытался работать вслепую, но легче от этого, увы, не стало. Наоборот, скорее...

— Вот так, хорошо! — одобрила Наташа. — А теперь пониже!

И снова принялась болтать о чём-то, ко всему происходящему не имеющим ни малейшего отношения.

«Бог ты мой! — я представил на своём месте Витьку, и чуть было не разревелся от отчаянья и горькой обиды на собственную свою неполноценность. — Почему... ну, почему я такой?!»

Вода к этому времени сошла совершенно... и эти зеркала вокруг... и куда бы я не пытался повернуть голову...

— Ну, всё! Довольно! — объявила Наташа, вновь открывая краны. — Благодарю!

И, словно почувствовав, что после всего пережитого даже такой телёнок, как я способен выйти из-под контроля и натворить глупостей, поспешно добавила:

— Иди на кухню! Я скоро!

И я послушно пошёл. На кухню.

Мысли мои путались, и первым же делом я одним залпом осушил давно заждавшийся фужерчик. Разумеется, не помогло.

Тогда я достал сигареты и, выйдя на балкон, закурил. На улице уже стемнело, с чёрного ясного неба в красивом беспорядке свисали яркие звёздные гроздья.

Говорят, сигареты успокаивают. Меня же они ни чуточки не успокоили, хоть курил я их одну за другой. Горечь противная во рту, вот и весь эффект.

«Так тебе и надо, ослу! — мысленно сказал я себе, и с отчаяньем добавил: — Ну, почему, почему я такой... — и, не находя других слов, снова повторил, как заклинание: — Осёл, осёл, осёл!»

Я вдруг ощутил, почувствовал вдруг какую-то, даже не усталость, безразличие, скорее. Я отлично осознавал, что ничего не сказав, в ванной, уж, тем более, ничего не скажу и позже. Просто снова не смогу ничего сказать. И от осознания этого на душе было ещё горше.

— Ты где? — послышался весёлый Наташин голос, и дверь балкона распахнулась. — А, вот ты куда забрался! Спрятался от меня, и... Ты что, куришь?!

Наташа была в своём амплуа, и наплевать ей было с самой высокой колокольни на все мои переживания, все мои муки адовы...

— Немедленно выбрось эту гадость! — возмущённо приказала она, и, когда я послушно швырнул вниз очередную сигарету, добавила уже мягче: — Обещаешь больше не курить?!

— Обещаю! — буркнул я несколько мрачновато. — Да я и не курю, вообще-то...

— Ну, вот и замечательно! — Наташа улыбнулась. — Да, кстати, ты кормить меня собираешься, хозяин? Я есть хочу!

И, мягко подхватив под руку, Наташа потащила меня за собой на кухню.

— А ты чего такой надутый? — спросила она меня чуть позже, когда мы уже сидели за столом. — Случилось что?

Заметила, наконец! А ведь могла и, вообще, не заметить.

Я ничего не ответил, да и что было отвечать!

— Да что случилось то?

И снова вместо ответа я лишь взглянул на Наташу и тут же быстренько отвёл взгляд в сторону. Наташа в облегающем алом халатике была

чудо как хороша. И под халатиком у неё, кажется, ничего не было одето, совсем ничего...

А, впрочем, какая разница, если я осёл!

— Да нет же, у тебя явно испортилось настроение! — сказала Наташа недовольно. — Может, я засиделась в гостях, а ты куда-то торопишься?

Я испугался, что она вдруг захочет сейчас уйти, и от страха сразу же принялся улыбаться во весь рот.

— Вот это другое дело! — одобрила Наташа и, подойдя к окну, долго и внимательно в него смотрела. — Бр-р-р, темень какая! Может, мне у тебя сегодня переночевать?

— Ну, конечно же, ночуй! — дико обрадовался я. — Места хватает! А то и впрямь, куда тебе идти с мокрой то головой...

— А ты точно никуда не собирался? — Наташа испытующе на меня посмотрела. — Может, на свидание с кем?

Ещё и издевается!

— Нет! — сказал я и вздохнул. — Куда мне идти?

— Значит, решено! — Наташа стащила с головы мокрое полотенце и повесила его на кухонную дверь. — Ну, чем дальше угощать будешь, хозяин?

А я вдруг подумал, что судьба иногда бывает

на удивление терпелива и милостива даже к таким безнадежным остолопам, как я. Вот и сейчас она, кажется, даёт мне ещё один, последний самый шанс... и если я упущу и его, этот шанс...

Впрочем, пока я не хотел ни о чём таком даже думать.

— А давай выпьем? — бодренько предложил я. — Как говорится, после баньки да перед баиньки...

— А давай! — сразу же согласилась Наташа. — А что мы пить будем?

— Есть коньяк, — начал перечислять я, — есть болгарское сухое... бальзам рижский имеется... ну и водка, разумеется... как же без неё...

— Тогда коньяка немножечко.

Из стихов Волкова Александра

В поле травы не кошены,
в небе звёзды-горошины...

Ты вошла в мою жизнь
нежданно,
непрошено...

Ну, зачем ты была?!

Помню руки твои...

Помню губы твои...

И весна расцветала

одна на двоих...
А потом отцвела!
Только, может,
приснились мне
звёзды-горошины?
А весеннее поле
снежком запорошено...
Ну, зачем ты приснилась,
нежданно, непрошено,
непонятная и такая хорошая?!

* * *

Потом мы смотрели «видик». Откровенную «порнуху» я не рискнул крутить, поставил какой-то среднеэротический боевичок с превеликим множеством погонь, перестрелок, разных эффектных трюков и зубодробительных сцен и, кажется, с одной только постельной...

Боевичок был не ахти, но Наташе он, как ни странно, понравился, и она попросила ещё что-нибудь в этом роде. И тогда я рискнул поставить следующую кассету. В этом фильме эротических, в том числе и постельных сцен было куда больше, чем драк и перестрелок...

Но случилось непредвиденное.

Как только мы дошли до самой первой из них, Наташа вдруг встала и попросила меня выключить

телевизор вообще.

— Надоела эта мура! — сказала она почти безразлично, но я всё же успел уловить в этом её почти безразличном голосе какое-то странные нотки, какое-то волнение, что ли... — Я стихи лучше почитаю. Хочешь вслух?

— Хочу! — сказал я, тщетно ломая голову над этой её удивительной непоследовательностью.

Когда часы стали бить одиннадцать, Наташа вдруг спохватилась, что уже поздно.

— Слушай, а ведь спать пора! — озабоченно произнесла она и, улыбнувшись, добавила: — Ну, куда ты меня спать уложишь, хозяин?

— Сейчас постелю, — пробормотал я и вышел из зала.

Расстилая ей в родительской спальне, я уныло подумал, что, скорее всего, и последний этот шанс будет мной безнадёжно упущен. Чёрт бы меня побрал, и эту мою гипертрофированную сверхзастенчивость!

— Шикарная кровать! — восхитилась Наташа, входя в спальню. — А сам то ты где ляжешь?

Судорожно сглотнув сухой противный комок в горле, я еле слышно пробормотал:

— У себя в комнате, как всегда. Ты не беспокойся.

— Ну, вот и замечательно! — обрадовалась Наташа, и эта неподдельная радость её

мучительно-больно кольнуло моё, и без того уже донельзя истерзанное сердце. — Спокойной ночи, Саша!

— Спокойной ночи! — пробормотал я и вышел из спальни.

Зайдя на кухню, я обессилено плюхнулся за стол. Вот тебе и «последний шанс»! Мазила! В пустые ворота с двух метров...

И я подумал, что таким безнадёжным олухам, как я, может, и, вообще, не стоит рождаться на свет божий... ну, а ежели и случится иногда подобное недоразумение, так не лучше ли самому всё вовремя осознать и вовремя, как говорится, смыться? И очень даже просто! Достать батину «тулку», и как старик Хемингуэй...

Минут десять, не меньше, я сидел и, этак, всесторонне смаковал картину собственной гибели. Вернее, не самой гибели даже, а всего того, что будет потом... Сразу же после...

Особенно удавались мне сцены с безутешно рыдающей над моим бездыханным телом Наташей. Наконец-то и она всё-всё поймёт, но будет уже, увы, слишком поздно...

Потом мне стало противно. Я тряхнул головой, как бы отгоняя прочь навязчивые дурацкие эти мысли, и тут мне захотелось... напиться. Просто напиться, до чёртиков, до поросычьего визга, до отрубона напиться, и

обязательно уснуть под столом. И пусть она утром посмотрит, полюбуется.

Бутылка из-под коньяка естественно оказалась пустой. Поэтому я снова полез в ящик над столом и решительным жестом выволок оттуда непечатую бутылку «Столичной». Минуту колебался, а потом разом свернул ей шею.

Так. Где мой фужерчик? Ага, вот он, притаился родимый! А ну, иди сюда, дорогой, подставляй-ка горлышко! До краёв, только до краёв!

— За ослов! — провозгласил я тост и старательно чокнулся с бутылкой. — Милые люди, эти ослы, хорошо рядом с ними жить! Они ушками хлопают себе... а разные там Викторы Андреевичи в это время...

Я выпил залпом и, не закусывая, налил себе снова.

— Ещё раз за ослов!

Я пил и не пьянел. Да и пить, собственно, не хотелось, противно было пить. Хотелось выть за весь голос. Сейчас вот выйду на балкон и завою. На луну. Интересно, а есть ли, вообще, сегодня луна? Кажется, не было, а, может, и появилась уже...

Водки в бутылке оставалось уже меньше половины, когда я понял, что больше не выпью ни грамма. Бесполезно.

Странно, но я был ещё трезвее, чем полчаса

назад. Закурить, что ли? Впрочем, я же обещал не курить! Или закурить всё-таки?

Я встал, бездумно и бесцельно зашёл в ванную и тут же пулей вылетел обратно. Нет, в ванную мне сейчас заходить не надо. Не стоит мне сейчас заходить в ванную...

Я снова подумал о Наташе. Интересно, спит она сейчас или ещё нет? Ясно, что спит. Пятый сон уже видит...

Вздохнув, я вновь вернулся на кухню и сел за стол.

А, может, всё это не случайно? И её желание пойти ко мне сегодня, и всё остальное. Ну, то, что было в ванной. И ночевать осталась...

А я осёл!

— Хватит! — сказал я самому себе. — Пора становиться человеком! Ты сейчас же встанешь и пойдёшь туда, к ней! А там... будь что будет!

— Не пойду! — огрызнулся я. — В неведении всё же есть хоть какая надежда, в отказе же...

— Я тебя за шиворот потащу, идиота такого!
А ну, вставай живо!

И я встал. И пошёл.

Когда я вошёл в спальню, в окошке действительно была луна. Большая и круглая. Она заливала серебристо-голубоватым светом всю комнату, и Наташа была видна как на ладони, и лунные зайчики играли в её волосах...

Я подошёл поближе и, затаив дыхание, наклонился над ней.

Наташа спала, я услышал её ровное лёгкое дыхание.

«Убирайся отсюда! — мысленно приказал я себе. — Она спит, что тебе ещё надо?!»

Но «убираться отсюда» я почему-то уже не мог. Как зачарованный стоял я рядом со спящей Наташей, и всё смотрел, смотрел на неё, не в силах отвести глаз. Потом я наклонился и, сам удивляясь собственной смелости, поцеловал её руку. Еле слышно, одним лёгким прикосновением губ.

Но этого моего робкого прикосновения оказалось достаточным, чтобы Наташа проснулась. Она не отдернула руку, нет... но то, что она сказала, прозвучало почти приговором.

— Иди спать, Саша, — сказала Наташа и, чуть помолчав, добавила: — Не надо. Я не хочу.

И всё! Все точки над «и» были расставлены, и мне ничего другого, как повернуться и уйти, не оставалось. Конечно же, спать я не пошёл. Вместо этого я пошёл в зал, достал плеер и, напялив на голову наушники, врубил звук на полную, как говорится, катушку. После этого сел в кресло и закрыл лицо руками. Вот так! И не думать... главное — не думать, совершенно ни о чём не думать! Вот так, расслабиться... Отлично! Действует лучше водки! Жалко только, что нельзя

ещё громче! Ещё громче бы...

Я сидел, слушал, а слёзы как-то сами собой всё бежали и бежали из глаз моих, и пальцы мои вскоре стали совершенно мокрыми. И всё нарастала и нарастала во мне какая-то особенная, противная какая-то жалость к собственной своей недотёпистой персоне...

Внезапно музыка оборвалась. Я чуть приподнял голову и сквозь неплотно сомкнутые пальцы неожиданно увидел Наташу. Она стояла передо мной всё в том же алом халатике, стояла, молчала и смотрела мне прямо в лицо.

Не выдержав этого её пристального взгляда, я опустил голову. Мне вдруг стало, не то, чтобы стыдно, но как-то неловко, что ли... так, словно меня неожиданно застукали за чем-то откровенно нехорошим...

— Ну, чего ты? — тихо спросила Наташа, и я снова уловил в её голосе те же самые странные, незнакомые мне нотки. — Обиделся, да?

И тут я не выдержал. Да и кто бы выдержал такое! Всё, что копилось во мне долгие эти месяцы, всё, что добавилось туда за один-единственный сегодняшний вечер...

Схватив Наташу за руки, я упал перед ней на колени и принялся покрывать бесчисленными поцелуями нежные её руки.

И говорил, говорил, говорил...

— Я люблю тебя, Натаха! — говорил я, ни на мгновение не переставая целовать её руки. — Господи, если бы ты только знала, как я люблю тебя! Если бы ты только знала, что ты для меня значишь...

Я говорил долго и бессвязно, а Наташа стояла, слушала и не отнимала рук.

Потом я замолчал.

И сразу же мне стало так легко-легко. И как-то опустошённо, что ли. Будто я все эти долгие месяцы таскал на себе некий невидимый, но на удивление тяжеленный груз, а вот сейчас одним резким рывком сбросил его с плеч. И мне стало даже абсолютно всё равно, что ответит сейчас Наташа, я вдруг понял, как это прекрасно — любить, пусть даже безответно.

Главное, что она знает. Остальное не так уж и важно.

А Наташа молчала. Долго молчала. Потом она высвободила, наконец, руки, подняла их и осторожно положила мне на голову. Наташины пальцы тут же зарылись в мои волосы, а я снова закрыл глаза и почти вслепую уткнулся лицом в её колени и сквозь распахнувшийся халатик стал лихорадочно целовать их. И мне сейчас хотелось только одного: чтобы минуты эти, непередаваемо сладостные минуты эти текли, как можно медленней... чтобы они совсем остановились, что

ли...

Потом руки мои стали действовать нагло и самостоятельно. Они, а не я вдруг принялись расстёгивать пуговицы халатика, медленно, одну за другой...

Наташа молчала.

Расстегнув последнюю пуговицу, я встал и сразу же почувствовал, какие у меня ватные ноги. Халатик, лишний и ненужный, тихо соскользнул вниз, на пол, улёгся там алым комочком материи. И снова Наташа ничего не сказала мне... и тогда я осмелился и посмотрел ей в лицо.

Глаза Наташи были закрыты, губы плотно сжаты, а само лицо какое-то отрешённое, что ли, словно всё это я проделывал не с ней, словно её это совершенно не касалось. Она стояла передо мной, полностью обнажённая и такая красивая... и молчала...

«Почему она всё молчит? И надо ли делать то, что я собираюсь сделать сейчас?» — в одно мгновение пронеслось у меня в голове, но было уже поздно.

Руки мои не хотели рассуждать ни о чём. Одним рывком они подхватили Наташу, оказавшуюся на удивление лёгкой, почти невесомой, и осторожно понесли её в спальню.

Потом они лихорадочно срывали с меня одежду, а лунный свет, плотно, без остатка

заполнивший собой комнату, придавал всему происходящему какой-то нереальный, сказочный какой-то оттенок. Словно всё это происходило во сне, и сон этот, яркий и на удивление целостный, в сущности оставался всего только сном... А вот сейчас я проснусь, и всё исчезнет.

Но ничего не исчезало, и исчезать вовсе не собиралось. И когда я обнял Наташу и принялся снова целовать её, такую близкую и такую желанную, её грудь, живот, колени, я, наконец, осознал, что всё это не сон. Я целовал её долго, руки мои как безумные метались по её телу и ласкали, ласкали...

А Наташа...

Она лежала совершенно безучастная ко всему происходящему, глаза её по-прежнему были закрыты, губы плотно сжаты... и даже когда я начал целовать их, Наташа не ответила на поцелуи. Я чувствовал, как она вся дрожит, как вся она до предела напряжена внутренне, как она, совершенно не воспринимая мои ласки, думает сейчас о чём-то постороннем, ко мне совершенно не относящемся. Вот тут бы мне и остановиться, опомниться, задуматься над всем этим... но где там!

Мне было уже не до этого. Я не размышлял, хорошо ли я делаю, плохо ли... не мог я размышлять в тот момент... И лишь потом, когда всё окончилось и возбуждение моё резко и разом

схлынуло, я вновь обрёл способность думать и размышлять здраво.

И почувствовал себя вдруг самым распоследним негодяем. И ещё жалость почувствовал, огромную, прямо-таки захлестнувшую меня жалость к Наташе, которая сразу же отвернулась от меня и, уткнувшись лицом в подушку, так и застыла в полной неподвижности...

И смеялась о чём-то луна, нагло подглядывая сквозь шторы.

И так медленно текли-тянулись минуты. Я лежал, откатившись на самый краешек кровати, смотрел на наглую эту луну... и мне вдруг мучительно захотелось повернуть время вспять: на час, пусть на полчаса всего. И ещё было ясное осознание того, что это, увы, невозможно и содеянного, увы, не исправить. Ничем не исправить, и ничего уже не исправить...

Наташа не шевелилась. Я даже не знал, спит она или просто так затаилась. А, может, плачет. Или просто ждёт, когда же я, наконец, уйду...

— Я — дурак! — сказал я. — Я... в общем, прости, Наташа! Прости, если сможешь!

Встал и пошёл к двери.

— Не уходи! — сказала вдруг Наташа, и стало ясно, что она не плакала. — Сядь!

Я послушно сел.

— Ближе!

Я сел ближе.

Наташа тоже уселась в кровати и, обхватив руками колени, придвинула их к самому своему подбородку.

— Я расскажу тебе одну историю...

Голос у Наташи был какой-то странный, натянутый как струна... никогда ещё не разговаривала она со мной таким голосом...

— Только ты потом ничего не говори. Совсем ничего... ни единого слова. Обещаешь?

Я молча кивнул.

— Нет, ты пообещай!

— Обещаю! — хрипло выдавил я из себя.

— Это случилось в прошлом году, приблизительно в это же время. Не здесь, там, дома...

Она замолчала, словно собираясь с мыслями, а я вдруг с удивлением подумал о том, что до сих пор не знаю, откуда она родом, из какого города к нам приехала. Не касались мы этой темы почему-то, никогда не касались. Даже вскользь, даже в полнамёка...

— С нами учился один парень, красивый очень... — Наташа говорила так, будто слово каждое давалось ей с большим трудом, она словно выталкивала их из себя, медленно, по одному. — В общем, мы стали встречаться. В кино ходили, на

танцы, целовались в подъезде...

Голос её предательски задрожал, и Наташа замолчала, уткнувшись лицом в колени, а я вдруг почувствовал, что услышу сейчас что-то страшное, чудовищное что-то... я понял, что не хочу, не желаю всего этого слышать...

— Не надо! — прошептал я сдавленным голосом. — Не хочу ничего знать!

Наташа рывком подняла голову. Судорожно провела ладонью по лицу, словно отгоняя что-то или, наоборот, вспоминая...

— Ты обещал не перебивать! Так вот, однажды, весной уже, он пригласил меня к себе на день рождения. Это он так сказал... Разумеется, я купила ему подарок, я долго ломала голову, что бы такое ему подарить... а, впрочем, какая разница, что именно я ему купила в подарок! Да, там, кроме подарка, была ещё и открытка, текст её я сочиняла весь предыдущий вечер, а когда закончила, это была уже, если не ошибаюсь, пятая открытка. Четыре я испортила...

Не dokonчив фразы, Наташа вновь замолчала. Я тоже молчал, стиснув зубы и невольно вслушиваясь, как быстро и тревожно лупит изнутри в грудную клетку моё сердце.

— Когда я пришла в назначенный час, парень сам отворил мне дверь, и я немного удивилась, заметив, что он порядочно пьян. Потом, заглянув в

комнату, я удивилась ещё больше, обнаружив там двух совершенно незнакомых мне парней, тоже довольно сильно поддатых...

— Это ребята на минутку забежали, — небрежно объяснил мне мой знакомый. — Сейчас уйдут. А мать в магазин пошла. Да ты проходи, не стесняйся!

И я поверила!

— Это тебе! — сказала я, доставая из сумочки свёрток. — Поздравляю!

— С чем? — удивился он, и вдруг расхохотался во всё горло: — Так я же пошутил! — И, заметив моё растерянное лицо, добавил: — Какой там к чёрту день рождения! Просто надо же было тебя как-то в гости заманить!

И тут только до меня что-то дошло. Я бросилась к двери, но эти подонки... они, разумеется, меня опередили...

Голос Наташи вдруг снова задрожал и сорвался, но она тут же справилась с собой и продолжала рассказывать, тихо, буднично, даже безразлично как-то...

— Они затащили меня в спальню, сорвали одежду и... Ну, в общем, ты понимаешь...

Я понимал! Я так отчётливо всё это понимал, что пришлось изо всей силы вцепиться зубами в мякоть ладони. Боже, если ты есть! — молил я. — Ничего не надо, ничего у тебя не прошу: только

пошли мне вот этих трёх! Хотя... где я их сейчас разыщу? Я ведь даже города не знаю...

— Они привязали меня полотенцами к кровати, заткнули рот...

Наташа судорожно вздохнула.

— Этот парень, он ещё читал им вслух моё поздравление. Читал и хохотал, хохотал и читал... И всю ночь... всю-всю ночь...

Она вновь замолчала. Я тоже молчал, по-прежнему крепко сжимая зубами ладонь. Боже, если бы я знал всё это раньше!

— Уже начинало светать, когда они, наконец, отпустили меня, весело объяснив напоследок, чтобы я никому и ни о чём не вздумала трепаться, так как доказать я всё равно ничего не смогу. И, скорее всего, они были правы, я ничего бы и никому не доказала. Это были опытные и расчётливые негодяи: они всякий раз использовали презервативы, на теле моём ни осталось ни единого синяка, даже на запястьях, так что, кроме позора себе самой...

Наташины пальцы судорожно комкали простыню, голос дрожал и срывался, а я... Каждое слово падало на мой обнажённый мозг каплями расплавленного свинца.

— Когда я пришла домой, мама... в общем, у неё был очередной... — Наташа замолчала, словно подыскивая подходящее слово, но, кажется, так и

не нашла ничего подходящего. — И они уже не спали, просто дурачились там, за перегородкой, хохотали... и всё было слышно, всё слишком хорошо было слышно. А я... я сидела в кресле, не плакала, почему-то я не могла заставить себя плакать тогда. Я просто не понимала, не могла понять, как мама может заниматься этим, ведь это так гадко, так противно...

Наташа вновь замолчала и тихонечко вздохнула. Я тоже продолжал молчать.

— После этого я, не то, чтобы возненавидела свою мать, нет, я её даже понимала в чём-то: её было всего тридцать пять, а выглядела она... Знаешь, нас даже за сестёр иногда принимали. Но, понимаешь, я вдруг словно увидела маму совершенно другими глазами... что-то вдруг оборвалось между нами, важное что-то, связь какая-то невидимая... И я ничего ей не рассказала, соврала что-то о том, где была ночью. А потом зашла в ванную и перерезала вены. Ужасно торопилась и позабыла запереть за собой дверь...

Наташа в который уже раз замолчала и осторожно потрогала запястье левой руки пальцами правой.

— Шрам остался, — вздохнула она. — Это уже на всю жизнь...

«А я?! — молнией пронеслось у меня в голове. — Я-то чем лучше тех трёх пьяных скотов?!»

Дорвался!»

Мне было так тошно, так невыносимо тошно, что впору действительно было зайти в ванную и полоснуть себя бритвой по венах... На левой или на правой руке. А ещё лучше: на обоих...

Но я не сдвинулся с места, не пошевелился даже.

— Мама так никогда и не узнала настоящей причины, хоть, кажется, о чём-то таком догадывалась. И никто ничего не узнал, ты первый. Я уехала, перевелась сюда...

И ничем, ничем я не могу ей помочь! Даже тех трёх подонков я не смогу встретить, даже в этом мне отказано. Хотя, это как сказать...

И я тут же поклялся себе самому, самой страшной клятвой поклялся, что со временем, не сейчас, позже, я всё же выужу у Наташи фамилию её бывшего дружка. А город узнать ещё проще. И тогда...

— И я... — Наташа снова запнулась, подбирая слова, — понимаешь, у меня не получается, как у всех! Девчонки откровенничают в общаге, а я смотрю на них, как на дур каких! Как они могут заниматься этим, об этом рассказывать, да ещё с таким упоением! А потом закрываю глаза и снова ту ночь вижу. Как будто вчера это всё было: эти три пьяные хари... И не могу! Я даже думать себе об этом себе запретила!

И тут она, наконец-таки, расплакалась. Горько, навзрыд.

А я всё продолжал сидеть неподвижно, не в силах даже пошевелиться, словно окаменев.

Господи, какими же мелкими и ничтожными были все мои сегодняшние переживания! Но ведь я же ничего не знал, я же и в самом деле ничего не знал! И я действительно люблю её, больше жизни люблю!

И ничем, ничем не могу ей помочь...

Но Наташа уже взяла себя в руки. Она перестала плакать и легла, до подбородка натянув на себя одеяло.

— Ну вот... — голос её звучал теперь тихо и устал, — теперь ты знаешь всё. И ты... ты ни в чём не должен себя упрекать! Я сама! Сама этого хотела! Боялась и... хотела... И там, в ванной, и потом... я только об этом и думала, впервые в жизни я об этом подумала. Я сама во всём виновата. Я думала, что может с тобой... И если не с тобой, то, наверное, уже ни с кем и никогда...

Голос Наташи вновь начал предательски дрожать и она замолчала.

— Знаешь что... — выдавил я из себя. — Ты, давай, спи... просто постарайся уснуть, а я пойду к себе...

— Нет! — Наташа неожиданно схватила меня за руку. — Не уходи, пожалуйста! Не хочу, чтобы

ты уходил! Я не смогу сейчас одна, просто не смогу! Я не усну одна! Я буду лежать с открытыми глазами и думать, думать... Я знаю, что стоит мне только закрыть глаза, как... — она вздрогнула и ещё крепче сжала мои руку. — Ведь ты не уйдёшь, да?

— Не уйду, — покорно согласился я. — Ты, давай, спи, а я посижу рядом.

Наташа снова протестующее замотала головой.

— Нет, ты приляг! Рядом со мной. Не там, ближе. Ещё ближе. Вот так. А теперь обними меня. Обними, не бойся!

И, помолчав, тихо добавила:

— Мы полежим вот так, вдвоём. Просто полежим, без ничего...

И, ещё немного помолчав, шепнула мне на ухо:

— Мне с тобой удивительно хорошо. И легко. Только... не надо больше этого! Договорились?

— Договорились, — хрипло выдавил я из себя. — Прости, пожалуйста!

— Я не обиделась.

И, как бы в утешение мне, добавила:

— Знаешь, я почему-то верю, что всё это пройдёт. Должно пройти. Раньше не верила, а теперь вот верю. Только ты не спеши, ладно?

— Не буду, — согласился я и, нащёпав в

темноте Наташину руку, осторожно поднёс её к своим губам. — Я готов ждать столько, сколько ты скажешь: месяцы, годы, столетия... Ты только не бросай меня, ладно?

Наташа тихонько рассмеялась.

— Ты ещё попробуй от меня избавиться! — И добавила, коснувшись губами моей щеки: — Давай спать, угу?

— Угу! — пробормотал я.

И мы уснули. Вернее, уснула Наташа, тесно прижавшись ко мне... я же, боясь даже пошевелиться и хоть как-то потревожить её сон, просто лежал с открытыми глазами и мне всё почему-то не засыпалось. Потом и я как-то незаметно задремал, а когда дребезжащий тенорок будильника безжалостно вырвал меня из сладостных объятий Морфея и вновь воротил к суровой действительности, в комнате уже царил сероватый предутренний полумрак.

Наташа слабо пошевелилась на моём плече.

— Что, уже? — пробормотала она сонным голосом. — Вставать?

— В универ пора, — виновато произнёс я. — Ты не помнишь, чья первая лекция?

Наташина рука тотчас же пришла в движение, и тёплая её ладонка плотно легла на мои губы.

— Не хочу ничего вспоминать! Ну их всех! Прогуляем?

— Прогуляем! — покорно согласился я и, закрыв глаза, уткнулся лицом в густые её волосы...

А ровно через месяц и был этот самый филфаковский вечер, и я пригласил на него Серёгу.

Из стихов Волкова Александра

Сероглазые ангелы леса,
журавли улетали в полдень...
Лёгким криком землю наполнив,
журавли уносили лето.
Журавли уносили грозы,
золотую печаль клёна...
Журавли уносили слёзы
и туман твоих глаз зелёных.
И ещё уносили что-то
непонятное и печальное.
Словно старый роман почтовый
с недописанным окончанием.
А романа...
Романа не было!
Счастье просто так не поймаешь...
Паутинками плачет небо
о прошедшем месяце мае...

Так бывает...

Так в жизни бывает...

Вслед за летом приходят метели.

Просто люди порой забывают,
что уже журавли улетели...

* * *

Я отлично помню, как не хотелось Сергею тащиться на этот самый вечер. Он долго молчал там, на своём конце провода... так, словно всесторонне обдумывая моё предложение. А я почему-то забрал себе в голову обязательно затащить его к нам на вечер.

— Ну, так как? — спросил я, уже начиная волноваться. — Идём?

— Витьку возьми, — посоветовал Сергей. — Там, у вас, ты говорил, девчата симпатичные, а он у нас по этой самой части — дока!

— Загулял где-то наш «дока»! — вздохнул я. — Вторую неделю носа не кажет.

— Да ну?! — Сергей весело рассмеялся в трубку. — Неужто, опять на винт намотал, котяра помойная?

— Похоже на то. Ну, так как?

Сергей вздохнул.

— Ну, что с тобой делать будешь?!

Честно говоря, вечерок был не ахти, и Серёга, сидя рядом со мной, откровенно скучал. Он вяло хлопал плоским и затёртым почти до дыр шуткам и прибауткам, доносящимся со сцены и, кажется,

дождаться не мог окончания сего мероприятия.

— Потом ещё танцы! — напомнил я.

Сергей взглянул на часы.

— Не, старик, ты извини! Я не могу.

Со сцены прозвучала очередная «бородатая» шутка и мы с Серёгой снова вяло ей похлопали.

— Я тебя провожу, — пообещал я, и вдруг заметил, что Сергей очень уж внимательно смотрит на сцену, проследил направление его взгляда... и сердце моё словно ухнуло разом в какой-то ледяной бездонный колодец. На сцене была Наташа, не одна, много их там было... но я уже минуты единой не сомневался: Сергей смотрит именно на неё!

А потом торжественно-концертная часть подошла к концу.

— А сейчас дискотека! — торжественно объявил ведущий. — Прошу всех в фойе!

— Ну что, пошли, провожу? — торопливо проговорил я, словно утопающий за соломинку, хватаясь за последнюю возможность увести отсюда Сергея. Сейчас же, сию же минуту увести...

Наверное, все мы, в некотором роде, провидцы, особенно, ежели речь идёт о грядущих неприятностях. И всё же, неужто я и в самом деле смог предвидеть тогда то, что случится чуть позже? Или это мне сейчас так кажется?

А Сергей всё смотрел и смотрел на сцену, туда, где...

Впрочем, Наташи там уже не было, и у меня немного отлегло от сердца. Ненадолго, правда...

На танцы мы остались. Сергей почему-то передумал, хоть и не танцевал.

Что же касается меня, то я сразу пригласил Наташу. Мы танцевали, трепались о том, о сём...

— А почему твой друг не танцует? — неожиданно поинтересовалась Наташа. — Не умеет?

— Не хочет, — сказал я, тщетно пытаюсь вернуться к спасительной беседе «о том, о сём». — Слушай, ты курсовую уже начала?

— А как его зовут? — вновь перебила меня она.

— Сергей, — с плохо скрываемой досадой пробормотал я, сердцем чувствуя, что всё это неспроста.

— Красивое имя! — сказала Наташа, и в это время танец закончился.

Я проводил Наташу на её прежнее место (то есть, к тем двум девчонкам курсом постарше, с которыми она делила комнату), и снова вернулся к Серёге.

— Ты почему не танцуешь?

Сергей лишь молча пожал плечами.

— Тогда, может, пойдём?

Сергей вторично пожал плечами, улыбнулся рассеянно.

— Да, кстати, а кто это?

— Кто? — я сделал вид, что не понял, хотя всё отлично понял. — О ком ты?

— Ну, та, с которой ты танцевал...

Всё рухнуло.

— Это Наташа, — проговорил я каким-то чужим, почти деревянным голосом. — Если хочешь, я вас познакомлю.

Сергей, видно, почувствовал что-то неладное, внимательно на меня посмотрел.

— Да нет, не надо! — сказал он как можно более безразлично. — Тем более, что мне и в самом деле надо идти...

— Вместе пойдём? — обрадовано предложил я, но Сергей лишь отрицательно мотнул головой.

— Нет, ты оставайся. Я ведь не домой, у меня там одно дело имеется...

И он повернулся, было, чтобы уйти...

И надо же такому случиться, чтобы именно в это самое время кретин-ведущий объявил белый танец... и я вдруг увидел, как Наташа направляется к нам через весь пустой ещё зал. Напрочь позабыв о Серёге, стоящим рядом, я, конечно же, решил, что это она меня хочет пригласить, и успел ещё даже здорово этому обрадоваться... и даже сделал шаг ей навстречу...

Наташа, мило улыбнувшись мне, как старому доброму знакомому, неожиданно прошла мимо и

остановилась возле Сергея.

А потом они танцевали. Весь вечер. Да и во время перерывов стояли рядом, держась за руки. А я...

Я тоже танцевал. И тоже мило улыбался всем тем, с кем имел честь танцевать. А потом ушёл. По-английски...

Они, кажется, этого даже не заметили. Не до того им было...

Всю долгую ночь бродил я по весеннему спящему городу. Бродил и переживал. Красиво так переживал, по киношному...

Сейчас мне самому даже смешно чуточку, но тогда... тогда мне было совсем не до смеха.

Особенно после того, как я, всё ещё на что-то надеясь, решил звякнуть Серёге из автомата. Телефон долго сигналил длинными гудками, и я уж было решил, что Серёга, проводив в общагу Наташу, ещё не успел вернуться домой, как вдруг трубку подняли.

— Сергей? — спросил я дрожащим от волнения голосом, и совершенно неожиданно услышал в трубке такой знакомый Наташин голос:

— Сейчас позову! — и куда-то в сторону: — Серёжа, тебя!

Я бросил трубку и, выбежав из телефонной будки, долго не мог сообразить, где я и что со мной...

Из стихов Волкова Александра

Послушайте:
я расскажу о том,
как был шутом...
Хоть не был я шутом!
Хоть я
ни разу в жизни
не шутил!
Но вот
однажды ночью
ощутил,
что я играл
чужую роль шута...
Что я шутил,
не раскрывая рта...

* * *

А наутро Наташа, как ни в чём, ни бывало, пришла и села рядом со мной. Она, правда, немножечко опоздала, лекция уже началась.

— Приветик! — шепнула она мне и улыбнулась.

— Здравствуй! — буркнул я и принялся с преувеличенным вниманием слушать зануду-профессора, время от времени делая какие-то записи.

Наташа искоса посмотрела в мою сторону, потом тоже достала конспект и тоже принялась там что-то писать. Так продолжалось минут десять, потом она не выдержала.

— Ну, хватит дуться! — почти умоляюще сказала Наташа и положила узенькую свою ладошку на мою правую руку. — Ну, чего ты?

— Я ничего! — снова буркнул я, немедленно убирая руку, и несколько театрально пожал плечами. — Я в норме!

— Так уж?

Мы снова замолчали и молчали до самого перерыва.

— Ну, хватит уже! — почти сердито сказала Наташа, крепко ухватив меня за локоть. — И, вообще, пошли отсюда!

— Ещё две лекции! — напомнил я. — А скоро экзамены!

— Пошли, я сказала! — и добавила уже мягче: — Пошли, мне надо поговорить с тобой.

А потом мы долго и молча шли всё по тому же старому, но уже всю весеннему парку.

— Нет, я так больше не могу! — сказала Наташа и, остановившись, тесно ко мне прижалась. — Ну, что ты всё молчишь и молчишь?

Я пожал плечами.

— А что говорить?

Наташа вздохнула, отпустила мою руку и

медленно пошла по залитой щедрым мартовским солнцем аллее. Потом остановилась.

— Ты извини! — быстро проговорила она, не оборачиваясь. — Так получилось. Ты хороший, добрый... ты лучше всех, кого я знаю...

Не договорив, Наташа замолчала, а я уныло подумал, что подобное перечисление существующих и несуществующих моих достоинств, напрочь разрушает теплившиеся ещё слабые проблески надежды...

— Я люблю его! — с каким-то отчаяньем выпалила Наташа, повернувшись ко мне и глядя мне прямо в лицо. — Я сама не думала, что так бывает! И он... понимаешь, он тоже меня любит...

А вот теперь действительно всё рухнуло!

— Поздравляю! — глухо проговорил я. — От всей, как говорится, души! Он хороший человек и я... я за тебя... — слова выговаривались с трудом, вернее, они почти не выговаривались... — в общем, я очень рад за тебя... за вас обоих...

Наташа схватила меня за руку.

— Ну, не надо так! — она попыталась взглянуть мне в глаза, и это ей почти удалось. — Я перед тобой виновата, я знаю! Я — дура, я — эгоистка, я... — она запнулась. — Но что я могу с собой поделать?!

Мне припомнилась вдруг та, недавняя и единственная наша ночь... припомнилась, и сердце

моё мучительно сжалось от острой пронзительной боли. Как прочно, как незыблемо казалось мне тогда собственное моё положение, я почти любовался собой, кретин безмозглый!

И вот расплата!

— Пойду я! — пробормотал я, боясь сорваться и наговорить ей чего-то такого, за что мне же потом и будет так стыдно. — Как говорится в таких случаях: будь счастлива!

— Нет!

Не выпуская моей руки, Наташа ухватила меня ещё и за другую, потом, чуть помолчав, проговорила тихо, еле слышно:

— Ты меня не бросай, пожалуйста! Не знаю, как это объяснить... Понимаешь, у меня никогда не было ни сестёр, ни братьев... а я так хотела иметь брата, старшего брата...

— К великому моему сожалению, у меня тоже никогда не было ни братьев, ни сестёр! — сухо перебил её я и осторожно освободил руки. — Так что, извини, но я совершенно не умею быть братом!

И добавил, глядя ей прямо в лицо:

— Ты ночевала у него?

— Да! — еле слышно выдохнула Наташа. — А это ты звонил?

Я не ответил. Я просто стоял, и просто смотрел ей в глаза... и Наташа не выдержала, и, взмахнув ресницами, первая отвела взгляд.

— Ты спала с ним? — безжалостно продолжал я. — Спала, да?

Наташа молча кивнула.

— Ну и... — я был почти противен самому себе, но остановиться уже не мог, меня, как говорится, занесло. — Ну и что? Получилось?

— Да! — громко, с каким-то даже вызовом выкрикнула Наташа. — Да, получилось! Я люблю его, понимаешь, люблю! Неужели это такое преступление — любить?!

Грязное, тяжёлое слово ворочалось у меня на языке, но я сдержался, не выплюнул его, проглотил и молча пошёл прочь.

— Подожди! — услышал я позади себя полный отчаянья крик Наташа. — Саша, стой!

Я не остановился.

Тогда она догнала меня и вновь ухватила за руку.

— Ну? — произнёс я ледяным тоном, стараясь при этом не смотреть на Наташу, совсем не смотреть. — Что ещё?

Наташа молчала... она словно собиралась с мыслями, но руки моей так и не отпустила.

Я тоже молчал, но мыслей у меня никаких не было. Пустая была голова, совершенно пустая... И так медленно текло, тянулось время...

— Знаешь, — проговорила Наташа, несмела теребя пальцами мой рукав, — давай, как прежде?

— Как прежде — не получится! — сказал я, может, излишне резко сказал. — А по-другому я не умею! И я люблю тебя не как сестру, и ты это отлично знаешь!

— Я знаю! — тихо согласилась она, и я вдруг увидел, как в глазах Наташи заблестели слёзы (этого ещё не хватало!). — Но что мне делать? Я просто не умею притворяться!

Я не ответил, и тогда она добавила с отчаяньем в голосе:

— Но если ты меня бросишь, я не смогу больше жить! Я не вру...

— Да что ты из меня душу то тянешь?! — на весь парк заорал я, да так, что какая-то случайная старушенция испуганно шарахнулась в сторону и даже, кажется, перекрестилась. — Я тебя люблю, и ты об этом прекрасно знаешь! И тебе на это наплевать с самой высокой колокольни! А третьим лишним я быть не желаю! К чёрту всё это, глупо, смешно и противно!

И добавил язвительно (не удержался-таки, скотина):

— А, может, у нас будет групповой брак? Говорят, в некоторых странах очень распространенное явление. Оговорим условие, график составим...

Наташа отпустила моё рукав... и в следующее же мгновение левой моей щеке стало горячо до

невозможности.

— Аплодисменты по щекам! — Я криво улыбнулся и осторожно потёр рукой потеплевшую часть лица. — Спасибо, разумеется, но я, кажется, не заслужил столь блистательного успеха! Впрочем, ещё раз спасибо — кажется, помогло.

Я замолчал, а Наташа, ничего не ответив мне, вдруг резко повернулась и, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее пошла прочь по раскисшей от весеннего солнца дорожке старой аллеи...

Наташа уходила, уходила навсегда, а я смотрел ей вслед с каким-то странным смешанным чувством жалости и ожесточения. Смотрел долго... потом, сорвавшись с места, бросился следом.

Из стихов Волкова Александра

Твоей руки
прощальное тепло
с моей рукой
на миг соприкоснулось...
И ты уже
назад не оглянулась.
И ты ушла...
И прошлое ушло!
Седая вьюга
весело и зло

твои следы
снегами завевала...
А на моей ладони
остывало
твоей руки
прощальное тепло...

* * *

Наташа обернулась, услышав мои шаги, и некоторое время мы, не говоря ни слова, просто смотрели друг другу в глаза.

— Я... — я проглотил сухой колючий комок в горле, — знаешь, я согласен! Братом так братом! Я не могу без тебя! И я... я постараюсь быть хорошим братом, сестрёнка!

Она бросилась мне на шею и разревелась, и так мы стояли долго-долго, целую вечность и ещё немножко...

— Знаешь, может, это ещё пройдёт! — всхлипывая, шептала Наташа мне на ухо. — Я сама не знаю, что со мной! Это как пожар! И зачем только ты привёл его на этот проклятый вечер?!

Но, увы, это не прошло...

...Я тряхнул головой, словно отгоняя так некстати нахлынувшие воспоминания. Любил ли я её до сих пор? Я старался не задумываться, ни над этим, ни над тем, что было бы, если бы Наташа

вдруг захотела ко мне вернуться. Это нереально, внушал я себе, она счастлива, ты ведь сам так хотел, чтобы она была счастлива. А с тобой...

Я вздохнул. Неразделённая любовь моя вылилась в добрую половину стихотворений сиреневого первенца-сборника. А, может, и более чем в половину. Так что определённая польза тут есть.

Потом мысли мои ушли куда-то в сторону, и я вспомнил вдруг утреннюю свою незнакомку. Вспомнил и лишь вздохнул.

Ну, почему мне так не везёт в любви? Просто фатальное какое-то невезение!

В следующее мгновение мысли мои побежали ещё дальше, они забежали, увы, слишком далеко да и застряли там, напрочь заплутав в дремучих дебрях подсознания в тщетной попытке выяснить, кто же из них всё-таки красивей: Наташа или та незнакомая девушка из моего пробуждения? Они такие разные, да и сама красота их так непохожа. Хотя...

Нет, всё-таки должно же быть в них что-то общее? Что-то, помимо красоты...

«Кровать! — противно пискнул злорадный внутренний голос. — Одна и та же кровать, родительская! И ты сбоку, в качестве бесплатного приложения!»

Я был настолько морально подавлен, что даже

не стал с ним спорить. Ну, просто фатальное какое-то невезение!

— Ладно! — сказал Сергей притворно огорчённым тоном. — Как хотите! Дело-то ваше...

И посмотрел на нас в зеркальце заднего вида.

Мы уныло молчали, подавленные чувством собственной своей неполноценности.

— Ничего, ничего! — нежно пропела Наташа и, обернувшись к нам, мило улыбнулась Витьке. — Зачем вам эти дамы, вам и без дам хорошо! Будете сидеть себе на песочке и в картишки дуться...

— Ага, на щелбаны, — добавил Сергей, внимательно следя за дорогой.

— Нет, лучше на поцелуйки! — Наташа хихикнула злорадно. — А после сто тридцать первой карточной партии наш котик с тоски и отчаянья...

— Господи, да что ты за человека такая вредная! — затравленно взвыл «котик». — Сэр, да растолкуйте же вы ей, что нельзя так со старшими...

— Это кто так старший выискался? — вкрадчиво переспросила Наташа. — Молчать, малолетка!

— Сэр, я за себя не ручаюсь!

— Ну, Вить, тут я пас! — сказал Сергей, искусно лавируя в сплошном потоке машин. — Скажу честно, я сам её боюсь!

Витька безнадёжно махнул рукой.

— Пропал человек!

— Жора! — преувеличенно громко сказала Наташа. — Утри нос этим салажатам!

Честно говоря, мы совсем позабыли о нашем рыжем госте. А он сидел, уткнувшись в стекло, мрачно думал о чём-то своём, и лишь время от времени машинально, видимо в такт своим, неведомым нам мыслям, шевелил толстыми губами. Наташина реплика застала его совершенно врасплох.

— Чего? — переспросил он, растерянно улыбаясь. — Какой нос?

Все дружно, мы быстренько втолковали ему, в чём, собственно, тут дело. Жорка задумался.

— Не, не подойдут! — произнёс он, наконец, и, решительно трянув рыжей своей шевелюрой, добавил: — Компания не та!

— Да какая может быть компания! — воскликнул, сразу же оживляясь, Витька. — Подойдут ещё как! Что нам с ними о неэвклидовой геометрии толковать!

— Тоже мне, математик великий выискался! — Наташка фыркнула. — Ты бы хоть эвклидову освоил!

— А сколько надо? — деловито осведомился Жорка, что-то прикидывая в уме. — Одна, две?

— Три! — моментально выпалил Витька, и,

подумав, добавил: — Это как минимум!

— Ну, ты, старик, даёшь! — сказал Сергей, не оборачиваясь. — По-твоему, наша «тачка» безразмерная, так? Куда мы их всех посадим?

— На колени! — тут же нашёлся Витька. — Каждому по одной!

— Ага! — добавил Сергей, притормаживая у очередного светофора. — До первого поста ГАИ.

— Да и захотят ли они на твоих костлявых коленках сидеть? — добавила Наташа, снова поворачиваясь в нашу сторону. — Вот уж счастье великое!

Витька вскипел и уж хотел было в сердцах высказать Наташе всё, что он о ней думает, и что на душе накипело... но в это самое время Сергей вдруг мягко сбросил газ и, взяв резко вправо, притормозил у самого тротуара.

— Витёк, — небрежно сказал он, тоже к нам повернувшись. — Ты, помнится, хвастал как-то, что за десять, максимум, за пятнадцать минут, уговоришь любую встречную девушку ехать с тобой хоть на край света, хоть на Северный полюс. Было такое?

— Ну, в принципе... — важно ответствовал Витёк. — Любую не любую, но скажу, не хвастая...

— Отлично! — перебил его Сергей. — А теперь докажи, пожалуйста, что у тебя слово с делом не расходится!

— Это как это? — не понял, или сделал вид, что не понял Витька.

— Да очень просто. Вон там, вдоль аллеи, идёт всем нам незнакомая девушка. Очень симпатичная, кстати... в синем сарафане, с авоськой в руке... Наблюдаешь?

— Ну... — неопределённо промычал Витька явно изменившимся голосом. — Идёт... и идёт... и пусть идёт себе...

— Твоя задача следующая... — Сергей демонстративно посмотрел на часы. — За десять... нет, давай, за пятнадцать минут уговорить её поехать с нами, с тобой... и не на край света, даже, а всего только на Каменный брод. Что, слабо?

Витька ошарашено молчал. Он, конечно же, не был готов к такому вот повороту событий, и теперь явно тянул время.

— Ну, так как? — безжалостно повторил Сергей. — Что сник?

Наташа злорадно хихикнула.

— Да разве ж так говорят! — начал изворачиваться Витька. — Вот ежели б ты да чуть раньше... А то она вон уже где!

В это время девушка остановилась возле киоска.

— Успеешь ещё! — сказал Сергей, явно наслаждаясь ситуацией. — Вон же она остановилась!

— Куда ему! — Это, разумеется, Наташа. — Трепач несчастный!

— Ну ладно! — не взвыл даже, а буквально взревел затравленный Виктор Андреевич. — Это я то трепач?!

Он быстренько вывалился из машины.

— Это я то?!

— Время пошло! — хладнокровно произнёс Сергей. — Так что, давай... ближе к делу!

— Ближе к делу... ближе к телу... — пробормотал Витька. — Ну, ничего! Смотрите!

Мы смотрели.

— Учитесь, пока я жив!

Мы пообещали учиться, а Сергей, ко всему прочему, ещё и многозначительно постучал ногтем по часовому стеклу.

И Витька отправился в путь. Он шёл, глубоко засунув руки в карманы... не шёл даже, скорее, плёлся какой-то особенной, небрежно расхлябанной походочкой. И, наверное, всем затылком ощущал на себе ехидные наши взгляды.

Вот он подошёл уже к киоску, вот что-то спросил у, стоящей возле него, девушки... вот она ему что-то ответила...

— Хочешь пари? — предложил Сергей, снова оборачиваясь ко мне. — Один к десяти! Идёт?

— За успех сего эксперимента? — поинтересовался я.

— За кого ты меня принимаешь! — притворно возмутился Сергей. — Против, разумеется!
— Тогда не хочу!

Отступление. За двое суток до...

Бугров

Старенький «уазик» немилосердно трясло и подбрасывало на почти непрерывных ухабах, едкая удушливая пыль, бурно вздымаемая колёсами, растянулась по пути следования автомобиля длинным серым шлейфом. Да и внутри самого «уазика» её было предостаточно.

И Бугров в который раз уже мысленно выругал себя за лень. Казалось, что стоило съездить, переодеться!

Не то, чтобы ему шибко жалко было костюма (было бы что жалеть, название одно!), просто такой уж сегодня выдался у Бугрова день. Невезучий.

А ведь начинался он, день то есть, совсем даже неплохо. И вечерок обещал быть хоть куда. И вот, из-за злосчастной этой находки и училки этой настырной! Разумеется, Татьяна обиделась. Интересно, приведёт она свою «угрозу» в исполнение или так, блефует? Может и привести!

Бугров вздохнул и незаметно, исподтишка

покосился в сторону профессора. Неужели, он всерьёз поверил во всю эту белиберду? Подумать только, череп неандертальца! И откуда этой дуре знать, как он выглядит, настоящий череп неандертальца?!

Бугров вторично вздохнул и попытался усесться поудобнее. Вроде как немного уменьшил трясуемость организма. Или это самообман только?

«А ведь, кажется, старик наш и в самом деле попался на эту удочку, — невольно подумалось Бугрову. — Иначе, к чему такая дикая спешка? И сам лично возглавил. Вот уж на него не похоже!»

Машину в очередной раз здорово потрянуло, и Бугров, ко всему прочему, ещё и больно ушиб правое колено.

— Послушайте, Виталий Павлович! — проговорил он, морщась от боли и усиленно массируя пальцами ушибленное место. — А вам не кажется, что всё это — совершенно напрасная затея?

— Не понял? — сказал профессор, по-прежнему не отрывая глаз от дороги. — Вы что-то сказали, Александр Сергеевич?

И он наконец-таки соизволил повернуться в сторону Бугрова.

«Чёрт бы побрал эти твои дымчатые очки! — уныло подумал Бугров, не переставая массировать колено. — Вот смотрит он сейчас на меня, а что у

самого на уме — и не разберёшь...»

— Да нет, это я так, — сказал он вслух. —
Ничего особенного.

— Да, кстати! — всё ещё думая о чём-то своём, поинтересовался профессор. — Как насчёт студентов, договорились?

Начинается!

В том, что сейчас ему предстоит весьма неприятный разговор, Бугров и не сомневался даже. День уж такой сегодня выдался...

— Ещё не договорился, Виталий Павлович, — сказал Бугров и, помолчав немного, добавил: — Да и, вообще, стоит ли с этим торопиться.

— Послушайте, я ведь просил вас позаботиться об этом в первую очередь! — В ровном голосе профессора чуткое ухо Бугрова уловило первые признаки надвигающейся бури. — Неужели вы не понимаете, что если мы хотим завтра с утра начать раскопки, студенты должны быть на месте уже сегодня! Не понимаю, почему вам всегда нужно по несколько раз напоминать об одном и том же?! Если не надеетесь на свою память — извольте записывать!

«Как школьника отчитывает! — тоскливо подумал Бугров, стараясь не встречаться с профессором взглядом. — Да ещё при шофёре! И чего это он всегда ко мне придирается?!»

Вслух же сказал совершенно другое.

— Знаете, Виталий Павлович... — Бугров старался говорить спокойно, взвешено, но голос его всё же подрагивал от плохо скрытой обиды, — всё это не потому, что я забыл! Просто я подумал, что не стоит так спешить с привлечением студентов...

— Ах, вы «просто подумали»! — голос профессора уже явственно выдавал самую крайнюю степень его раздражения. — Вы, оказывается, ещё и думаете иногда! А почему вы так подумали, позвольте вас спросить?

— Почему так подумал?! — считая себя несправедливо обиженным, Бугров тоже перешёл на повышенные тона. — Да потому хотя бы, что ни вы, ни я... да и никто из наших ещё и в глаза не видел этой самой находки! И вообще, я не понимаю, как можно верить на слово какой-то сельской учительнице? Да мало ли что она там найти соизволила... у нас подобных звонков...

Бугров замолчал, переводя дух, а так как профессор тоже молчал и, кажется, внимательно его слушал, продолжил, ободрённый его молчанием, уже более спокойным тоном:

— Поймите меня правильно, Виталий Павлович, я вовсе не хочу сказать, что она всё это... — Бугров замолчал, подбирая слово поделикатнее, — ну, выдумала, что ли! Конечно же, она что-то такое обнаружила. И звонок этот я тоже могу понять: человек от чистого сердца, для блага

науки, так сказать... — он вновь замялся, искоса взглянул на профессора, тот по-прежнему молча и внимательно слушал. — Но где гарантия, что этому, так называемому «неандертальцу» не пятьсот лет от роду? А то и все триста. И эта учительница...

— Эта учительница, — медленно, почти по слогам произнёс профессор, — с отличием окончила аспирантуру и почти три года работала у нас в институте. На вашем, между прочим, месте... точнее, вы сейчас на её месте работаете. И череп неандертальца распознать она сумеет, можете быть спокойны.

Профессор больше не смотрел в сторону Бугрова, он, как бы, вообще перестал замечать его, а ошеломленный Бугров тщетно пытался переварить только что полученную информацию. Так вот оно что выходит!

Ещё как-то зимой Бугров совершенно случайно, краем уха подслушал некий разговор о довольно неприятной истории, произошедшей в институте незадолго до его прихода. Что-то о любви молодой сотрудницы к профессору, и даже, кажется, любви взаимной. Но, что это была за история, как и почему вынуждена была уйти из института эта самая сотрудница... этого Бугров так и не узнал, а расспросить поподробнее — постеснялся. А теперь вот выясняется, что учительница эта...

Так вот почему шеф не в духе с утра!

Бугрову вдруг страстно захотелось хоть глазком одним взглянуть на таинственную эту соблазнительницу. Хотя, почему одним! Обоими посмотрит... и уже скоро...

Но видно такой уж сегодня выдался у Бугрова несчастливый день.

— Придётся вам вернуться назад, Александр Сергеевич, — неожиданно сказал профессор, так и не обернувшись. Потом помолчал немного и добавил: — На электричке доберётесь?

В душе Бугрова всколыхнулась, было, робкая надежда, что вечер сегодняшней, возможно, ещё будет спасён! Ежели он прямо отсюда, со станции, звякнет сейчас Танюшке... и ежели она окажется на месте... А почему, собственно, ей не оказаться на месте?

Но надежда эта тут же угасла.

— К вечеру жду вас, но уже вместе со студентами, — сухо проговорил профессор, и добавил, обращаясь уже к шофёру: — Приторможите, Василий Степанович.

Василий Степанович, или просто Вася, молодой белозубый парень, послушно приторможил. А профессор наконец-таки всё же повернулся в сторону Бугрова. Соизволил, так сказать...

— И вы уж постарайтесь, Александр

Сергеевич, несмотря на всю вашу занятость... — профессор сделал особое ударение на этом последнем слове, — постарайтесь всё же не забыть об этой моей просьбе!

Дверь «уазика» с треском захлопнулась, и машина, обдав Бугрова напоследок удушливым коктейлем из едкой дорожной пыли и сизоватых выхлопных газов, скрылась за поворотом. А сам Бугров, пнув в сердцах ни в чём не повинный придорожный камень и чертыхнувшись при этом от всей души, уныло поплёлся вверх по узкой извилистой тропинке, ведущей напрямик к небольшому железнодорожному полустанку.

* * *

— Тринадцать... — продолжал отсчитывать Сергей, — четырнадцать... Ну что, подбросим нашему Котофеевичу ещё пяток минут на мелкие карманные, так сказать?

— Не стоит! — злорадно заключил я. — Кажется, эксперимент наш уже закончен и даже с треском провален!

Девушка улыбнулась, отрицательно покачала головой и, повернувшись к Витьке спиной, быстро зашагало куда-то в направлении прямо противоположном нашему. Некоторое время обескураженный Виктор свет Андреевич молча и

тоскливо смотрел ей вслед, потом, сделав резкий и не лишённый изящества крен вправо и взял курс на сближение с другой девушкой, одиноко сидящей на скамейке и читающей какую-то книгу.

— Нет, что ни говорите, а мне нравится эта его настойчивость и целеустремлённость! — задумчиво проговорил Сергей. — Есть в нём что-то от Дон-Жуана. Как считаешь, Наташа?

— От барона Мюнхгаузена, скорее! — уточнила Наташа и вдруг весело расхохоталась. — Нет, вы только посмотрите, что вытворяет!

А в это самое время Виктор свет Андреевич что-то увлечённо рассказывал своему объекту «номер два». Он даже руками размахивал, вырисовывая ими в воздухе какие-то странные, абсолютно абстрактные фигуры. И девушка уже не читала. Отложив книгу в сторону, она внимательно смотрела и внимательно слушала.

— Во даёт! — восхищённо сказал Сергей. — Ещё немного и в пляс пустится! Что, опять прокол? Ай-ай-ай!

Девушка встала и, не пошла даже, а прямо таки бросилась навстречу высокому парню явно африканской наружности. Они нежно обнялись.

— Бедный котик! — саркастически заметила Наташа и вздохнула с сожалением явно притворным. — Удар за ударом!

А «бедный котик», понунив голову, уже

плёлся назад к машине. Ни слова не говоря, влез в неё и так саданул дверкой, что Сергей даже обернулся недовольно.

— Дверка причём? — наставительно сказал я. — За что ты её так, бедную?

— Двойка! — объявил Сергей строгим голосом. — Давай дневник, двоечник!

— Бац, бац — и мимо! — ядовито пропела Наташа и снова вздохнула с притворным сочувствием: — На кого променяла!

Витька подавленно молчал и даже на такой, казалось бы, сверхмощный раздражитель, как Наташа, совершенно не прореагировал. По боксёрским понятиям, он был не в нокдауне даже, а в самом глубоком нокауте.

— А вон моя знакомая идёт! — сказал, оживившись, Жорка. — Позвать?

— Ещё спрашиваешь! Зови, конечно!

— Симка! — проревел Жорка, более чем наполовину высовываясь из машины. — Привет, Симуля!

Симка остановилась, обернулась в нашу сторону. Разглядев рыжую шевелюру Жорки, приветливо ему улыбнулась и двинулась напрямик к машине.

Так, средненькая девчущка: не красавица и не урод, кареглазенькая, курносенькая, с вьющимися, коротко подстриженными волосами.

— Приветик! — сказала она вроде как одному Жорику, но при этом, быстренько стрельнув глазами, подвергла всю нашу компанию короткому, но внимательному осмотру. — А ты куда это?

— Да так... — Жорка неопределенно махнул рукой. — На природу, в общем... ну и, вообще... Хочешь с нами?

Симка улыбнулась и задумалась. По всему видно было, что она, с одной стороны, и не прочь прокатиться в столь приятной компании на природу, но, с другой — ей, наверное, не хотелось соглашаться слишком уж поспешно. А, может, дела какие неотложные у неё имелись на сегодняшний день, и Симка мысленно решала, стоит ли их всё-таки отложить на потом, неотложные эти дела...

— А вы надолго?

— Завтра к вечеру вернёмся! — это уже Витька встрял в разговор, оклемался Кот Котофеевич. — Поехали?

Симка колебалась или делала вид, что колеблется. Она посмотрела на часы, потом на Витьку... вновь на часы...

— Слушай, нам некогда! — сердито сказал Жорка. — Да или нет, рожай скорее!

Я понял, что со своими знакомыми противоположного пола Жорка явно не церемонится. Симка же обиженно выпятила

нижнюю губу.

— Нет, я не могу! — капризно объявила она. — Дел много.

— Не можешь — не надо! — Жорка тотчас же захлопнул дверку и объявил: — Поехали, ну её к...

Симка, наверное, втайне ожидавшая, что сейчас её начнут уговаривать всем миром, и, в конце концов, всё же уговорят, растерянно хлопала глазами.

«Ломаться меньше надо! — подумал я, мельком озираясь на, быстро удаляющуюся Симкину фигурку. — Тоже мне, принцесса!»

Не знаю, как остальные... что же меня касается, так я даже рад был, что компания наша осталась в прежнем своём составе. Да ну их, всех этих дам и барышень, одни только неприятности от них и ничего больше!

Но Витька, по всему видно, так не считал. Он с сожалением вздохнул, тоже обернулся назад, но, памятуя о недавнем своём фиаско, слово вставить пока не решился. И на том спасибо!

Я уселся поудобнее и, выглянув в окно, постарался точно определить, в какой, собственно, части города мы уже находимся. И вдруг...

Ох уж это, «вдруг»! Как часто встречается оно и в жизни, и в романах...

И даже в стихах...

Из стихов Волкова Александра

Смешно!

Мне больше некуда спешить.

А я спешу!

Стихи писать — людей смешить!

А я пишу...

Смешно

искать, когда вокруг темно!

А я ищу...

Смешно

грустить, когда вокруг смешно!

А я грущу...

Смешно

ловить в ладони лунный свет...

А я ловлю...

Смешно

любить, когда надежды нет...

А я люблю!

* * *

Я даже глазам своим не поверил.

В сквере, на узенькой скамеечке сидела утренняя моя незнакомка. Я её тотчас же узнал, не по одежде даже, хотя она по-прежнему была в тонюсенькой своей курточке-безрукавке и в вытертых джинсовых шортиках. Она сидела на

скамейке пустынного утреннего скверика, сидела одна-одинёшенька посреди огромного города и, уткнувшись лицом в ладони, кажется, плакала...

— Останови! — не сказал даже, крикнул я Серёге. — Скорее!

Сергей послушно притормозил.

— Ты куда это? — удивился Витька и тоже увидел девушку.

— Я сам! — объявил он, и начал, было, выкарабкиваться из машины наружу. — Я мигом!

— Куда?!

Я схватил его за шиворот и ловко всунул обратно. Да ещё и дверкой прихлопнул для верности.

— Саша, утри ему нос! — презрительно сказала Наташа, при этом она даже не взглянула в Витькину сторону. — Хвастунишке несчастному!

— Я не могу работать в таких экстремальных условиях! — начал оправдываться Виктор свет Андреевич. — Эти вечные подковырки, намёки всякие грубые... Моя тонкая артистическая натура не приемлет...

Дальнейшего я уже не расслышал. Я медленно шёл... впрочем, «шёл» — это слишком громко сказано. Я тащился, еле-еле тащился на удивительно ватных ногах и на ходу лихорадочно соображал, что же такое я скажу ей сейчас.

От первой фразы порой так много зависит.

Всё или почти всё порой зависит от самой первой фразы... мне ли этого не знать...

Спиной я ощущал взгляды своих: все, даже Жорка, наверное, смотрели сейчас в мою сторону, и может быть поэтому только я не повернул обратно, хоть искушение такое было. Ибо, чем ближе подходил я к одиноко сидящей девушке, тем меньше у меня было уверенности в том, что так уж необходимо навязывать ей сейчас моё скромное общество.

Мне вспомнился её взгляд, такой насмешливый и презрительный, и, вспомнив его, я чуть было не рванул назад. И всё-таки не рванул, с чем себя мысленно и поздравил.

И потом, ведь был же и ещё один взгляд, последний самый... тот, возле лифта. И фраза это её прощальная... Чего-то она ждала от меня, а я этого так и не сделал. Или не успел сделать. Или и не ждала она от меня ничего?

Наверное, она услышала мои шаги, потому что тут же настороженно вскинула голову. Девушка посмотрела на меня, и я заметил, что глаза у неё сухие, а, значит, она не плакала.

— А, это ты! — проговорила она как-то устало и безразлично, а я с горечью подумал, что зря, кажется, понадеялся на более любезный приём. — Откуда ты тут взялся?

Наверное, можно было соврать, сказать, что я специально искал её по всему городу, и вот,

наконец, нашёл... но я почему-то так и не смог соврать.

— Мы, это... мимо ехали... и вдруг смотрю: ты...

Пробормотав это, я тут же замолчал, собираясь с мыслями, но так ни с одной не собрался.

— И ты что, специально остановился, чтобы сообщить мне об этом?

В словах девушки был сплошной лёд, и всё было предельно ясно... но что-то всё же удерживало меня, не давало уйти...

И тут я вспомнил о деньгах.

— Вот, возьми! — я вытащил из кармана и протянул ей скомканную десятку. — Зачем ты тогда так?

— А ты зачем? — Но деньги взяла, безразлично сунула их в сумочку. — Теперь всё, надеюсь?

— Нет! — проговорил я и даже сам себе удивился. — Не всё! — Что ещё? — девушка нетерпеливо посмотрела на часы. — Говори скорее, мне некогда!

— Ты извини меня за то, утреннее! — сказал я первое, что пришло в голову. — Сам не знаю, как получилось...

— Уже извинила! Что ещё?

Я молчал. Я понимал, что всё кончено, и что

говорить нам больше не о чем, и нужно уходить, и уходить как можно скорее...

Но уйти почему-то не было сил. И я лишь молча топтался на прежнем месте, проклиная эту свою нерешительность.

— Ты, кажется, куда-то ехал? — сухо осведомилась девушка и вновь посмотрела на часы.

— Меня Сашей зовут, — сказал я.

— Я знаю! — она взглянула на меня в упор и встала. — А теперь проваливай ко всем чертям, Саша, Сашечка, Сашулечка! Неужели так трудно сообразить, что я не желаю тебя видеть?!

Это был приговор. Окончательный, бесповоротный и, как говорится, обжалованию не подлежащий. И выслушав его, я уже повернулся, было, чтобы уйти, но в это время девушка внезапно схватила меня за руку.

— Обними меня! — тоном, не терпящим возражения, проговорила она. — Ну!

Ничего ещё не понимая, я, тем не менее, всё же обнял её, а она, крепко обхватив мою шею обеими руками, вдруг прижала свои обжигающе-горячие губы к моим губам, да и замерла так с закрытыми глазами.

«С ума сойти можно! — мелькнула в моей бедной, разом закружившейся головёнке жалкая запоздалая мысль. — С ней не соскучишься, челово!»

Всё это продолжалось, наверное, минуты две-три, не больше... но они, минуты эти, показались мне вечностью. Я обнимал её, я вдыхал запах её волос, я старался запомнить его на тот случай, если чудо это, волшебное, ничем не объяснимое чудо это вдруг исчезнет и никогда больше не повторится. Мне снова, тоном, не терпящим возражения, прикажут убираться ко всем чертям... и, конечно же, я послушно уберусь...

И всё ж спасибо ей и за это, хоть я всё равно так ничего и не понимал.

Кто-то вдруг грубо схватил меня за плечо и с такой силой оттолкнул в сторону, что я едва на ногах удержался. Окончательно придя в себя, я увидел перед собой здорового мордоворота в синем спортивном костюме, несколько ему тесноватом, правда, но зато недвусмысленно подчёркивающим весьма внушительные формы незнакомца.

Впрочем, внимания на меня он больше не обращал. Пока, во всяком случае.

— Ты где была?! — заорал он на девушку неожиданно тонким для такого мощного телосложения фальцетом. — Где ты была, я тебя спрашиваю?!

Она лишь презрительно прищурилась.

— Сказать?

— Шлюха! — ещё более высоким фальцетом

выкрикнул мордоворот. — Да я ж тебя сейчас...

— Это тебя мамочка надоумила, или ты по собственной инициативе?

Мордоворот нелепо и неуклюже взмахнул правой рукой... и вдруг, к моему большому изумлению, буквально рухнул у ног странной этой девушки. Ухватил её за руки, принялся лихорадочно их целовать.

— Ну, прости! — бормотал он как в бреду. — Прости, Ленка! Ну, больше этого не повториться! Я сам не знаю, как всё получилось...

«Ленка... так, значит, её зовут Лена, — мимоходом и всё ещё не совсем придя в себя от только что пережитого, подумал я. — А это, выходит, её муж, что ли? А значит...»

«Господи, о чём я думаю! — наконец-таки промелькнула у меня в башке единственно здравая мысль. — У них семейная сцена... и не первая, кажется... Поссорились — помирятся. Ну, что тебе ещё надо? Без тебя разберутся! Так что, давай, топай отсюда и побыстрее!»

Но «топать» отсюда я уже не мог. И не потому даже, что на губах моих ещё ощущался сладковатый привкус её поцелуя, вернее, не только поэтому...

Уйти отсюда сейчас было бы равносильно проявлению трусости, а обвинение в трусости было самым страшным из всех возможных для меня

обвинений. И посему я продолжал стоять остолоп остолопом, и лишь немо взирал на эту, довольно нелепую, несколько комичную и в чём-то даже чуть театральную сцену...

Девушка по имени Лена вдруг резко высвободила руки из красных лапищ мордovorота и вновь подошла ко мне. Подошла и взяла под руку.

— Пошли отсюда, Санечка! — преувеличено громко проговорила она, и добавила, уже намного тише: — Если, конечно, не боишься.

Ну, зачем она так?

— Ленка! — раздался позади нас яростный рёв. — Ступай домой, последний раз говорю! А хахалю твоему я щас всю рожу расквашу!

Что ж, теперь уже ничего другого мне и не оставалось...

Осторожно высвободив руку, я медленно повернулся в сторону синего мордovorота.

— Вы мне что-то хотите сказать? — произнёс я на удивление банальную фразу, и даже сам почувствовал всю её банальность. — Я вас слушаю!

Теперь, когда мы стояли друг против друга, я уже смог более детально разглядеть своего противника. Одного роста со мной, но в плечах (да и во всём остальном) явно превосходит, и, разумеется, собирается дать мне это почувствовать.

Впрочем, габариты в драке ещё не самое главное...

— Ну, так что? — повторно осведомился я. — В чём дело то?

— Сейчас объясню! — сквозь зубы процедил мордovorот, огромные кулачищи его судорожно сжалились, глаза недобро сузились, оглядывая меня с ног до головы. — Сейчас...

— Валяй, объясняй! — весело согласился я и, широко улыбнувшись ему прямо в лицо (есть такой своеобразный приём, буквально доводящий противника до белого каления), добавил: — Только побыстрее, давай, а то я тороплюсь, знаешь...

Можно было, конечно, вырубить его уже сейчас, но я, почему-то не хотел бить первым. Вообще-то, в подобных ситуациях я чувствовал себя гораздо увереннее и непринуждённее, чем в некоторых других. С участием женского пола, например...

— Ну, в чём дело? — снова повторил я, внимательно наблюдая за каждым его движением. И чуть было не прозевал.

Он врезал правой изо всех сил и от всей, как говорится, души. Впрочем, врезал — сильно сказано. Он попытался врезать, но...

Пять лет бокса в детской спортивной школе, и несколько последних лет, всецело посвящённых восточных единоборствам, кое-чего да значат. Левая моя рука автоматически ещё блокировала его ростный, но явно дилетантский удар, а правая,

тоже автоматически, уже наносила резкий рубящий ответный...

А большего и не потребовалось.

Мордovorот жалкой кучей синего тряпья неподвижно возлежал у моих ног, и по всему видно было, что уgomонился он на довольно-таки продолжительное время.

— Ладно! — пробормотал я и, не глядя в сторону девушки по имени Лена, быстро пошёл прочь, по направлению к машине. — Как говорится, «финита ля комедия»! Разбирайтесь тут сами, а с меня довольно!

Но «комедия» эта была, оказывается, ещё далеко не «ля финита».

— Подожди! — услышал я позади себя отчаянный голос Ленки. — Почему ты уходишь?!

Здрaсте, пожалуйста! Ну, что она за человек такой?!

— Я ухожу, потому что меня ждут! — сказал я, стараясь не смотреть ей в глаза. — И вообще, если я не ошибаюсь, совсем недавно мне было велено убираться ко всем знакомым чертям, что я, к великому вашему удовольствию, и собираюсь осуществить! Так что, гут бай, Лена!

— Подожди!

Она снова подошла ко мне вплотную, мягко взяла за руку.

— Ты на меня обиделся? Обиделся, да?

За спиной резко и знакомо просигналила машина.

Зрители! Посмотрели бесплатный супербоевик!

— Это твои? — Ленка посмотрела в сторону машины. — Твои, да?

— Мои! — Я вздохнул. — Извини, мне пора! Торопимся...

— А куда вы едете?

Я неопределённо пожал плечами.

— Ну, если не ошибаюсь — назад к природе. До полного, так сказать, слияния и всё такое прочее. А что?

Ленка обернулась и некоторое время задумчиво наблюдала за тем, как куча синего тряпья, сопя и ворочаясь, намеревалась, кажется, вновь вернуться к первоначальному своему состоянию.

— Возьмите меня с собой! — тихо проговорила она, и я вновь различил в голосе её те самые странные нотки, что и тогда, возле лифта. — Возьмёте?

Нет, правда, с ней не соскучишься!

Я ничем не выдал дикую радость и восторг, охватившие вдруг всё моё существо. Наоборот даже: безразлично и довольно неопределённо пожал плечами.

— Поехали. Места хватит.

Хотя места как раз таки и не хватало. Ну, ничего, втиснемся... ещё и не так ездили!

И мы пошли к машине. Вдвоём.

И даже сумели втиснуться внутрь.

И Ленка уселась мне на колени.

Из стихов Волкова Александра

Снег блестел,

как огонь...

Так светло.

Снег хрустел

под ногой,

как стекло.

Снег играл,

но хотелось к теплу...

Это больно —

ступать по стеклу!

* * *

Витька был морально убит, уничтожен, растёрт в порошок, и, кажется, надолго выбыл из строя. Я его отлично понимал. Не ведая подробностей, со стороны всё это должно было выглядеть примерно так.

Вот я вылез из машины, вот молодцеватой походкой (это на ватных-то ногах!) направился к

совершенно незнакомой мне девушке (если бы он знал предысторию!)... и что же? Через пару минут мы уже самозабвенно целовались, а ещё несколько минут спустя девушка эта послушно следует за мной к машине. И не просто девушка, а очень даже симпатичная девушка! Если не сказать большего.

А приплюсуйте-ка сюда ещё и эффектнейший рыцарский турнир (гордиться которым у меня, кстати, не было никаких оснований, я даже знал приблизительно, что скажет мне Серёга по поводу всего этого... не сейчас, позже... а, впрочем, наплевать!).

Короче, полный успех! Отбил хлеб у нашего «котика», да ещё с таким вот потрясающим эффектом.

Честное слово, мне его даже жалко стало немножечко. Наташа и та почувствовала нечто подобное на сие чувство... во всяком случае, она на время оставила Виктора Андреевича в покое.

Но этот сукин кот не из тех, кто умеет ценить чужое великодушие. И нескольких минут не прошло, как он уже оклемался настолько, что имел наглость пытаться шептать что-то Ленке на ухо.

Впрочем, Ленке, кажется, было совсем не до этого. Она нервно кусала губы и, всецело занятая своими мыслями, совершенно не обращала внимания на эти его неуклюжие попытки заигрывания. Уразумев это, Виктор свет Андреевич на время отстал.

— Ну, будем считать, что теперь у нас полный комплект! — сказал Сергей и, повернувшись к нам, предупредил: — Будем проезжать мимо поста — все лишние головы убрать!

— Куда? — спросил Витька, вновь оживляясь.

— В карман! — сказал Сергей.

— Вот ещё! — делано возмутился Витька. — Я свою лучше Наташе на время отдам!

— А у тебя разве есть голова? — искренне удивилась Наташа. — Первый раз слышу!

Витька промолчал, а я в это самое время совершенно случайно взглянул в зеркальце заднего вида и неожиданно поймал там настороженный и такой внимательный Наташин взгляд...

Всего ничего, один лишь кратчайший миг смотрели мы друг другу в глаза, но я всё же успел заметить, уловить что-то новое, незнакомое в пристальном этом её взгляде. И понял вдруг, что не совсем ещё и безразличен ей, а, может, и совсем даже не безразличен. Потом Наташа вздрогнула и, первой отведя взгляд, подчёркнуто нежно прижалась к своему Серёге.

В душе моей всколыхнулось, было, злорадненькое чувство мелкого торжества, но я живо подавил его, чувство это, в самом, как говорится, зародыше. Ещё ничего не ясно, совершенно не ясно ничего. Ясно одно: Ленка эта — удивительно непредсказуемое создание. И

совсем неясно: что же было у нас с ней ночью?

И ещё я подумал: а что было бы, если бы вдруг произошло чудо, и Наташа вздумала вновь возвратиться ко мне (боже, какое высокопарное выражение... да она от меня никуда и не уходила, неоткуда было ей уходить!). Кто из них двоих мне больше нравится? С кем бы я остался, будь у меня такое право выбора?

Я так и не смог ответить однозначно на этот вопрос.

Из стихов Волкова Александра

Как часто явь
мы заменяем снами...
А, может,
это всё же
было с нами?
Когда-нибудь,
давно,
среди зимы...
И вот опять
вернулось
иль приснилось...
За столько лет
ничуть не изменилось...
За столько лет
так изменились мы!

Витька из кожи вон лез, и, вообще, всячески выпендривался и выкаблучивался, явно стараясь произвести на Ленку самое благоприятное впечатление. Вот он преувеличенно громко начал рассказывать (якобы для Серёги) разные смешные истории из своей и чужой жизни, густо пересыпая их длиннорылыми шутками-прибаутками. Что-то такое загадывал, сам же потом разгадывал...

Но всё было, увы, тщетно. Пока, во всяком случае.

Ленка его даже не замечала. И не только Ленка. Один лишь Жорка, оторвавшись, наконец, от окна, с явным наслаждением слушал дешёвый Витькин трёп. Все же остальные (я, Серёга, Наташа) эти его «смешные» истории вынуждены слушать с самых незапамятных времён. Репертуар их на удивление постоянен.

Ленка сидела у меня на коленях, сквозь тонкую ткань одежды я ощущал теплоту и упругость её тела, но близость эта не только не волновала... наоборот, она здорово таки угнетала меня, не знаю почему.

Я сидел пень пнём и всё никак не мог найти наиболее подходящего и нейтрального положения для собственных рук.

— Вы бы не могли здесь остановить? —

сказала вдруг Ленка, обращаясь скорее к Серёге, нежели к нам с Витькой. — Мне домой забежать надо. Я быстро.

— Нет проблем! — сказал Сергей, притормаживая.

— Саня! — обратилась ко мне Ленка (впервые после того, как мы оказались в машине). — Проводи меня, пожалуйста!

И вновь я поймал в зеркальце настороженный Наташин взгляд, и вновь возликовал внутренне.

Вот так! А ты как думала!

Я выбрался из машины, помог выбраться Ленке и мы пошли.

— Тут мама моя живёт, — пояснила мне Ленка на лестнице, хоть я ни о чём и не спрашивал.

Когда мы вошли в квартиру, мама эта сидела за столом и что-то читала. Увидев, что дочь не одна, она удивлённо вскинула брови, но ничего не сказала.

— Привет, мамочка! — Ленка подошла к столу, чмокнула мать в щёку. — Это Саша, познакомься!

— Здравствуйте! — сказал я, чувствуя себя самым последним идиотом.

— Здравствуйте! — сухо проговорила мать и, обращаясь уже к дочери, добавила: — Николай забегал.

— Вот как? — голос у Ленки был совершенно

равнодушный. — Давно?

— Утром ещё.

«Значит, ещё до того, — подумалось мне. — Если это, конечно, тот самый?»

— Представляю, что он тебе тут наплёл! — Ленка пожала плечами и подошла ко мне. — Посиди, пожалуйста. Вон кресло.

Я послушно сел. А Ленка, ещё раз пожав плечами, мигом упорхнула в соседнюю комнату. Мать её, не удостоив меня даже взглядом, тотчас же вышла вслед за дочерью, вышла и плотно прикрыла за собой дверь.

Предоставленный самому себе, я взял со стола какой-то журнал, принялся его рассеянно листать. Но смысл прочитанного как-то не доходил до моего сознания, всё внимание моё было привлечено к закрытой двери, за которой слышны были приглушённые до неразборчивости голоса.

Потом дверь вновь распахнулась.

— Не скучал? — спросила Ленка, входя в комнату и протягивая мне довольно увесистую спортивную сумку. — Или скучал?

Я лишь неопределённо пожал плечами.

— Ну, я пошла! — крикнула Ленка, повернувшись к двери. — Не скучай, ма!

Мать что-то ей ответила из соседней комнаты, но я ничего не разобрал. Впрочем, Ленка, кажется, разобрала.

— Ой, да он ещё не раз прибежит! — Она звонко рассмеялась и добавила: — С самыми последними известиями!

Мать снова что-то ей сказала, но Ленка её уже не слушала.

— Пошли! — без всякого выражения бросила она мне, первой выходя в прихожую.

«Что-то не похоже, чтобы она была от меня без ума?» — уныло подумалось мне, когда мы уже спускались вниз по лестнице: Ленка впереди, я, чуть приотстав. Внезапно Ленка остановилась и прислушалась. Я тоже прислушался, и тоже слышал чьи-то приближающиеся шаги.

— Лёгкок на помине! — с досадой объявила Ленка то ли мне, то ли самой себе. Она сделала шаг назад и схватила меня за руку.

Меня так и подмывало выдернуть руку, не потому, что я очень уж опасался этого Николая (если на то пошло, это он меня, скорее, опасаться должен), просто не выношу я этого притворства. И хоть я, конечно же, оставил руку, как она есть — проглотить так запросто сию пилюлю я не мог. Нет уж, благодарю покорнейше!

— А целоваться будем? — осведомился я с самым невинным выражением лица. — Для полной, так сказать, достоверности...

Ленка с нескрываемым интересом взглянула на меня, так, словно заново оценивая. Потом вновь

прислушалась к шагам на лестнице.

— Да ладно тебе, не злись! Просто у меня отвратительное настроение сегодня.

— Что ж, — я вздохнул. — У меня было достаточно времени, чтобы не только заметить это, но и оценить по достоинству!

В это самое мгновение шаги наконец-таки смолкли, и старый знакомый мой, Николай, возник, как призрак командора на углу лестничной площадки. Увидев нас, он вздрогнул и застыл в каком-то оцепенении.

«А, была, ни была! — пронеслось у меня в голове. — Хуже не будет!»

И я, сам удивляясь собственной смелости, обнял Ленку за плечи, быстро привлёк её к себе и, не давая опомниться, нашёл губами горячие её губы. Ленка вздрогнула, сделала слабую попытку вырваться, что ей, естественно, не удалось, потом, прекратив всякие попытки сопротивления, покорно замерла в моих руках. А я, не отрываясь от её губ (какое блаженство!), ни на мгновение не выпускал из поля зрения потерявшего дар речи Николая. Вот он шевельнулся, вот сделал неуверенное движение в нашу сторону (у меня тотчас же, сами собой, напряглись мышцы), потом, видимо передумав, резко повернулся и бросился вниз по лестнице.

«Ну, вот и всё! — с сожалением подумалось мне. — Представляю, что мне сейчас будет за

наглость!»

Но мне ничего не было. Давно уже затихли где-то вдали шаги вконец расстроенного Николая, а мы всё стояли, тесно прижавшись друг к другу, и губы наши всё не желали и не желали разлучаться.

— Сумасшедший! — прошептала Ленка, на одно короткое мгновение освобождаясь из моих объятий. — Ты мне чуть руку не сломал!

И снова замолчала, наткнувшись на мои губы.

Прошло ещё несколько минут.

— Ну, всё, Санечка! — Ленка вдруг мягко, словно кошка, выскользнула из-под моих объятий. — Не забывай, что нас ждут!

— К чёрту! — пробормотал я, вновь пытаюсь обнять её. — Давай останемся! Никуда не хочу ехать! Останемся, а?

Но она лишь отрицательно покачала головой.

— Некрасиво получится! Пошли.

И мы пошли.

Влезая в машину, я, даже не глядя, ощущал на себя настороженный Наташин взгляд. Но мне уже было всё равно, и я уже не раздумывал больше. Я был влюблён, и влюблён по уши.

«Сама виновата! — мысленно сказал я Наташе. — Эгоистка несчастная! Так бы и держала век на привязи, ни себе, ни людям!»

Отступление. За двое суток до...

Профессор

Старенький «уазик» по-прежнему немилосердно трясло и подбрасывало, но профессор, казалось, даже не замечал этого, всецело погружённый в свои мысли.

«Неужели я увижу Нину? — думал профессор. — Сегодня, через какие-то два часа я снова увижу Нину! Я буду смотреть на неё, разговаривать с ней... Невероятно!»

Профессор вытащил портсигар.

— Это ничего, если я закурю? — спросил он у водителя.

Тот лишь безразлично пожал плечами.

Профессор закурил, протянул водителю портсигар.

— Спасибо, Виталий Павлович! — усмехнулся тот. — Не курю!

— Не курите? Вот молодец!

Шофёр ничего не ответил, и профессор, откинувшись на спинку сиденья, вновь погрузился всецело в тягостные свои размышленья...

Нина. И так рядом. Кто бы мог подумать!

Три года... и ни одной весточки, ни единой даже весточки за всё это время. И вдруг, как гром с ясного неба, этот вчерашний её звонок. И тон

такой, сухой, безразличный...

Череп неандертальца... надо же!

* * *

Но вот, наконец, самые последние городские кварталы остались позади, и мы вырвались из-под бдительного ока ГАИ на оперативный простор.

Сергей вздохнул с облегчением. Медленная езда, да ещё по городским улицам — для него пытка неслыханная...

— Полный вперёд, Витёк?

— Самый полный! — орёт в самое ухо Наташи Витёк. — Отдать швартовые!

— Псих, да?!

Повернувшись к нам, Наташа очень выразительно покрутила пальцем у виска.

— Молчы, жэнщина, когда джыгыты разговарывають!

— Джыгыт, тоже мне!

Из-за плеча Серёги я внимательно слежу за стрелкой спидометра. Ленка уже не сидит у меня на коленях, она настояла, чтобы мы чуть потеснились, и Витька проделал сие с преогромной даже готовностью. Так что теперь Ленка сидит между мной и этим котярой облезлым...

А я... я слежу за стрелкой спидометра.

100... 105... 110...